

на могилу въ Бозѣ почившаго

ОРИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ, ДОКТОРА ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ,

Василія Васильевича

БОЛОТОВА

(1 янв. 1854 † 5 апр. 1900 гг.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина Тельжная ул. № 5.

1900.

Ивлечено изъ № 16 «Церковнаго Вѣстника» за 1900 г.

Вѣмъ твоѣ дѣла, и трѣдъ твоѣ, и терпѣніе твоє.
И за имя мое трѣдился еси, и не изнемогла еси.

Апок. ѵ, ѵ. г.

Блженъ члвкъ, иже шрѣте премѣдрость, и смер-
тенъ, иже оувѣдѣ разумъ: Лучше во сѣдѣ кѣповати,
нежели злата и сребра сокровища.

Притч. г, г. д.

Профессор Василий Козлов

ВЫСОЧАЙШЕЕ СОБОЛЪЗНОВАНІЕ.

Телеграмма изъ Москвы на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго.

«ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно выразить С.-Петербургской Духовной Академіи Свое соболъзнованіе по поводу тяжелой утраты, ею понесенной со смертью профессора Василя Васильевича Болотова, ученые труды котораго были извѣстны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

Сенаторъ Владиміръ Саблеръ».

Р ъ Ч ъ,

произнесенная Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ АНТОНІЕМЪ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, за Божественной литургіей въ академической церкви 11 апрѣля.

Христось Воскресе!

Съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христа привѣтствую Васъ, возлюбленные о Господѣ братіе. Но выражая Вамъ этотъ привѣтъ радости, не могу умолчать предъ Вами и о моемъ глубококомъ соболѣзнованіи Вамъ и моемъ сердечномъ соучастіи въ скорби Вашей по случаю смерти дорогого намъ Василя Васильевича. Тяжелая эта утрата и для насъ всѣхъ и для всей русской богословской науки. Но Господу угодно было отозвать отъ насъ своего добраго и вѣрнаго работника предъ свѣтлымъ праздникомъ, чтобы радостію Воскресенія облегчить намъ нашу скорбь. Мы празднуемъ теперь побѣду надъ смертію, какъ слышимъ вдохновенныя пѣснопѣнія о жизни вѣчной и радостяхъ нескончаемыхъ. „Смерти празднуемъ умерщвление, а дово разрушеніе, инога житія вѣчнаго

начало, и играюще поемъ виновнаго, единаго благословеннаго Отцевъ Бога, и препрославленнаго.“

Итакъ, да не скорбимъ, какъ не имѣющіи упованія, но поищемъ христіанскаго утѣшенія въ скорби нашей. Слово Божіе время бытія человѣческаго раздѣляетъ на два вѣка: вѣкъ сей, настоящій, и вѣкъ тотъ, грядущій. Первый обозначаетъ собою текущій порядокъ жизни, въ которой женятся, посягаютъ, трудятся, суетятся, радуются, плачутъ и наконецъ умираютъ. Второй же обозначаетъ иной порядокъ жизни, въ которой сподобившіеся достигнуть его становятся равными ангеламъ, сынами Божіими, будучи сынами воскресенія и умереть уже не могутъ (Лук. XX, 34—36).

Настоящій вѣкъ есть приговорительный къ тому, грядущему. Но и въ этой жизни для человѣческаго сознанія въ большей или меньшей степени доступны вѣчныя начала жизни грядущей. Есть даже люди настолько сродные строю жизни того вѣка, что жизнь настоящая для нихъ кажется какъ бы чуждою, и они живутъ и здѣсь всецѣло строимъ жизни той. Таковъ былъ несомнѣнно нашъ безцѣнный Василий Васильевичъ. Существова во времени, онъ въ сущности жилъ въ вѣчности. Текущая жизнь его ничуть не занимала, современные ея интересы были для него вполне чужды. Онъ жилъ только въ области научной, въ безсмертномъ царствѣ идей. Это былъ въ полномъ смыслѣ ученый отшельникъ, но отшельникъ свобод-

ный отъ сухого безплоднаго книжничества. Не въ буквѣ книжной былъ интересъ его жизни, а въ духѣ животворящемъ. Поэтому сверхъ области научной, онъ любилъ въ особенности жить еще жизнію Церкви, этого единственнаго на землѣ учрежденія съ живыми началами безсмертія и вѣчной жизни. Жизньъ эта и при отшельничествѣ почившаго давала полный разцвѣтъ и широкій просторъ возвышеннымъ качествамъ души его, которыя заставляли не только удивляться ему, уважать его, какъ ученаго, но и любить его, какъ человѣка-христіанина, всегда прекраснаго и высоко привлекательнаго.

И въ личной своей жизни этотъ удивительный человѣкъ былъ до конца вѣренъ себѣ. Онъ зналъ только жизньъ духа, а жизни тѣла какъ бы не ощущалъ. Съ немощами тѣла, плодомъ истощенія отъ неустанныхъ трудовъ для жизни духа, онъ боролся до послѣдней крайности, и сложилъ покорно свои руки только тогда, когда это тѣло стало умирать и когда онъ почувствовалъ, что ему надо перебираться на новое жилище, какъ въ полусознаніи сказалъ онъ мнѣ самъ при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи въ больницѣ (1 апрѣля). И сынъ вѣчности отошелъ въ сродную ему вѣчность, сынъ воскресенія скончался предъ свѣтлыми днями Воскресенія Христова, неустанный работникъ переселился въ мѣсто покоя, вѣрующій христіанинъ разрѣшился отъ узъ тѣла, чтобы быть со Христомъ. Итакъ не скорбѣть намъ надо, а утѣ-

шаться упованіемъ вѣры, и Бога благодарить, что Онъ судилъ намъ въ наши лукавые дни видѣть работавшимъ съ нами и среди насъ Своего поистинѣ вѣрнаго и добраго раба, который вошелъ теперь въ радость Господа своего.

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего Василія, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная! Аминь.

ТЕЛЕГРАММЫ,

полученныя въ Академіи по случаю
кончины В. В. Болотова.

Отъ оберъ-прокурора Св. Синода *К. Ш. Побѣдоносцева*:

«Сердечно скорблю со всѣми вами объ утратѣ великаго подвижника науки и добраго учителя, все что имѣлъ продаваго за единый свой бисеръ. Сожалѣю, что не въ силахъ со всѣми вами помолитьсяя.

Побѣдоносцевъ».

Отъ товарища оберъ-прокурора Св. Синода сенатора *В. К. Саблера*:

«Кончина дорогого Василія Васильевича незамѣнимая утрата, большое горе.

Саблеръ».

Отъ Московской Духовной Академіи:

«Московская Духовная Академія въ чувствахъ глубокой скорби о преждевременной смерти ученаго Василія Васильевича Болотова, составлявшаго славу и украшеніе Петербургской Академіи и всей русской богословской науки, выражаетъ искреннее соболѣзнованіе.

Ректоръ Академіи, епископъ *Арсеній*».

Отъ профессоровъ той же Академіи:

«Просимъ Академію принять выраженія нашей глубокой скорби о тяжелой утратѣ, понесенной Академіей и наукой въ лицѣ Василя Васильевича Болотова.

Профессора Московской Академіи: Евгений *Голубинскій*, Павелъ *Горскій-Платоновъ*, Николай *Кантеревъ*, Анатолий *Спасскій*, Сергій *Глазьевъ*, Василий *Мышцынъ*, Иванъ *Поповъ*, Иванъ *Андреевъ*».

Отъ Юрьевского Университета:

«Юрьевскій Университетъ выражаетъ Академіи братское соболѣзнованіе о безвременной утратѣ ея блестящаго питомца и дѣятеля нашего незабвеннаго историка-оріенталиста профессора Болотова.

Ректоръ *Будиловичъ*».

Отъ ректора Казанской Духовной Академіи епископа Антонія получена на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, телеграмма съ соболѣзнованіемъ о тяжелой утратѣ, понесенной нашей Академіей въ лицѣ профессора Василя Васильевича Болотова.

ПАМЯТИ

профессора **Василія Васильевича Болотова.**

НЕЖДАННОЕ ГОРЕ постигло нашу Академію: нѣтъ съ нами больше нашего дивнаго, нашего единственнаго **Василія Васильевича Болотова.** Горе такъ велико, что только слишкомъ свѣжее для пишущаго эти строки воспоминаніе о всей серьезности взгляда покойнаго **Василія Васильевича** на академическій долгъ строго-фактической „памяти“ почившихъ товарищей и могло преодолѣть его нерѣшительность, чтобы по мѣрѣ силъ своихъ выполнить этотъ печальный долгъ въ отношеніи къ нему самому въ эти первые тяжелые дни неисходной тоски, какой-то мрачной пустоты... Не одинъ камень, хотя бы и громадный, отвалился. Со смертью **Василія Васильевича** вся Академія вдругъ стала какъ-то не та.

Почившій ординарный профессоръ академіи **В. В. Болотовъ**, сынъ дьячка оставковскаго Троицкаго собора (родился 1 января 1854 года), провелъ все свое дѣтство въ селѣ Кравотыни оставковскаго уѣзда тверской губерніи. Лишившись отца въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, единственный сынъ у матери, онъ бѣднымъ сиротой, на иждивеніи казны, прошелъ курсъ ученія въ оставковскомъ духовномъ училищѣ и тверской духовной семинаріи. Въ августѣ 1875 года двадцати-однолѣтнимъ

юношей поступилъ онъ изъ семинаріи въ нашу Академію, на церковно-историческое отдѣленіе. Съ первыхъ же дней пребыванія въ Академіи онъ занялъ въ ней совершенно исключительное положеніе среди студенчества. Рѣдкое сочетаніе могучаго ума съ феноменальной памятью (не ослабѣвшей у него и съ годами), необычайный въ его годы запасъ разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній, превосходное знаніе древнихъ и новыхъ языковъ, всецѣло охватившее все существо его чистое научное увлеченіе, — все это ставило его внѣ всякихъ сравненій. Студента Болотова въ Академіи сразу всѣ узнали, всѣ составили о немъ одно мнѣніе ¹⁾. Прошло лишь два съ половиной года со времени поступленія его въ Академію, какъ онъ, такъ сказать, избранъ былъ уже на профессорскую кафедру. 5 марта 1878 г. скоростижно скончался заслуженный ординарный профессоръ Академіи И. В. Чельцовъ, и совѣтъ Академіи рѣшилъ не замѣщать освободившейся кафедры древней общей церковной исторіи до окончанія курса студентомъ Болотовымъ. Профессоромъ-руководителемъ для Василя Васильевича съ этого времени, взамѣнъ Чельцова, сталъ И. Е. Троицкій, временно замѣстившій кафедру послѣдняго. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса (28 окт. 1879 г.) В. В. Болотовъ защитилъ уже свою магистерскую диссертацию: „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“. Многоопытный рецензентъ этой диссертации, проф. И. Е. Троицкій, спустя уже 15 лѣтъ послѣ ея защиты, оффиціально назвалъ ее не магистерской, а докторской по своимъ достоинствамъ диссертацией. Самая защита Василемъ Васильевичемъ диссертации была истиннымъ праздникомъ избранника науки, не имѣвшимъ уже себѣ подобныхъ въ послѣдующей ака-

¹⁾ Семестровыя его сочиненія уже на первомъ курсѣ были таковы, что обратили на себя особенное вниманіе профессоровъ, а историческое отдѣленіе съ этой уже поры стало слѣдить за его научнымъ развитіемъ особымъ образомъ.

девической жизни. Вскорѣ же послѣ защиты магистерской диссертации В. В.—чѣ открылъ курсъ своихъ академическихъ лекцій по древней общей церковной исторіи (официально избранъ въ доценты 2 ноября 1879 г.). Чарующее дѣйствіе на слушателей его выдающагося ораторскаго таланта послѣ первой его академической лекціи (о взаимоотношеніяхъ греческой и римской цивилизацій въ дохристіанскій и христіанскій періодъ) было не менѣе сильно, чѣмъ послѣ прошлогодняго, столь оригинальнаго, живого, увлекательнаго изложенія имъ самыхъ специальныхъ вещей на магистерскомъ коллоквиумѣ доцента М. И. Орлова. Прошло лишь полтора года со дня занятія Василиемъ Васильевичемъ академической катедры, и онъ долженъ былъ начать уже и то другое трудное дѣло профессора, которому онъ вообще такъ много потомъ отдалъ своихъ силъ. 10 іюня 1881 г. онъ уже официально оппонировалъ на магистерскомъ диспутѣ своему младшему товарищу, И. С. Пальмову. Спустя три года послѣ этого молодой доцентъ является (въ 1884 году) оппонентомъ уже на двухъ докторскихъ диспутахъ.

Блестяще начавшійся магистерской диссертацией рядъ ученыхъ трудовъ Василія Васильевича шель непрерывнымъ потокомъ, все расширяясь и расширяясь, до послѣднихъ дней его жизни. Перечень печатныхъ трудовъ его помѣщается ниже. Еще въ мартовской книжкѣ «Христ. Чтенія» за текущій годъ помѣщено было продолженіе его обширнаго изслѣдованія „Изъ исторіи церкви Сиро-персидской“, именно экскурсъ: „Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія?“ Даже въ апрѣльской книжкѣ „Христ. Чтенія“ за текущій годъ находится сдѣланное имъ описаніе одной сирской рукописи (несторіанской богослужебной книги XVIII вѣка).

Будучи совсѣмъ не компетентны въ оцѣнкѣ внутренняго достоинства научныхъ работъ Василія Васильевича, мы съ своей стороны считаемъ только умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ краткаго официальнаго

отзыва о нихъ проф. И. Е. Троицкаго, сдѣланнаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пусть пораженный тяжкимъ недугомъ учитель повторить (въ этомъ некрологѣ) свое вѣское слово о любимѣйшемъ своемъ ученикѣ.

«Въ этой первой ученой работѣ (т. е. магистерской диссертациі) Василя Васильевича, писалъ онъ, сразу выяснились и установились всѣ типическія особенности его дарованій и пріемовъ. Всѣ послѣдующіе его труды были лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ тѣхъ и другихъ. Но при этомъ обнаружилось и нѣчто новое, характеризующее истинныхъ ученыхъ по призванію. По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ его занятія въ области избранной науки, Василій Васильевичъ постоянно расширялъ ихъ, ближайшимъ образомъ въ интересахъ самой этой науки, а потомъ и въ видахъ расширенія своего научнаго горизонта вообще, параллельными работами въ области другихъ наукъ. Избытокъ силъ искалъ себѣ простора, а научная добросовѣстность его не позволяла останавливаться на полдорогѣ—довольствоваться научными результатами, добытыми другими, а подбивала его провѣрять эти результаты, а еще лучше самому добиваться ихъ путемъ изученія первоисточниковъ и лучшихъ методовъ научнаго изслѣдованія, чтобы занять совершенно самостоятельное и равноправное положеніе среди ученыхъ нашего времени, пользующихся общою извѣстностью и заслуженнымъ авторитетомъ въ наукѣ».

«Прекрасно владѣя древними языками—еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, открывшими ему доступъ къ первоисточникамъ исторіи и культуры не только этихъ народовъ, но и всего древняго и средневѣковаго міра вообще, и обладая такимъ же знаніемъ новыхъ языковъ—нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго, Василій Васильевичъ не удовольствовался этимъ и ввелъ въ кругъ своего изученія цѣлую группу восточныхъ языковъ—арабскаго, армянскаго, коптскаго и др. и поставилъ это изученіе, равно какъ и изученіе новыхъ язы-

ковъ, на общую филологическую почву и такимъ образомъ придавъ ему чисто-научный характеръ. Отсюда въ дальнѣйшихъ работахъ Василя Васильевича дается все болѣе и болѣе мѣста филологическимъ изысканіямъ, дающимъ неожиданно богатые результаты даже для разъясненія и рѣшенія специальныхъ историческихъ и церковныхъ вопросовъ».

«Подъ каждой фразой Василя Васильевича чувствуется широкая обще-историческая почва. Такъ кратко и въ то же время такъ содержательно и точно характеризовать цѣлыя богословскія направленія съ ихъ иногда очень тонкими оттѣнками и такъ сжато и точно суммировать сущность и оттѣнки мнѣній отцовъ церкви... могъ только ученый, чувствующій себя полнымъ хозяиномъ въ своей области»... «Научные приемы автора свидѣтельствуютъ не только о полномъ знакомствѣ его съ современными научными требованіями и лучшими методами изслѣдованій, но и о замѣчательной опытности и искусствѣ въ удовлетвореніи этихъ требованій и въ пользованіи этими методами... Любимый научный методъ Василя Васильевича есть критическій, и онъ владѣтъ имъ въ совершенствѣ... Научные этюды Василя Васильевича удовлетворяютъ самымъ притязательнымъ научнымъ требованіямъ».

Почившій церковный историкъ, обладавшій замѣчательною способностью языкознанія и собственнымъ трудомъ достигшій знанія многихъ восточныхъ языковъ, оказался въ силахъ работать и въ той области церковной исторіи, которая не только у насъ, но и въ Западной Европѣ доступна для самостоятельнаго изученія очень немногимъ. Поэтому его работы по исторіи древне-христианскихъ коптской, эѳіопской и сирійской церквей, всегда заключавшія въ себѣ только то, что ново и до сихъ поръ неизвѣстно въ наукѣ, возбуждали живой и глубокой интересъ среди специалистовъ всѣхъ странъ. Имя нашего почившаго церковнаго историка стало извѣстно во всѣхъ центрахъ европейской церковно-исторической науки, хотя онъ, можно сказать, при-

нималъ мѣры противъ роста своей ученой славы (ни одинъ изъ его коптскихъ, эіопскихъ и сирійскихъ этюдовъ не выходилъ даже въ свѣтъ особымъ изданіемъ, помимо напечатанія въ «Христ. Чтенія»). Пишущему эти строки одинъ петербургскій ориенталистъ рассказывалъ, возвращаясь съ недавняго парижскаго конгресса ориенталистовъ, съ какимъ любопытствомъ разспрашивали его о проф. Болотовѣ изъ Петербурга двое итальянскихъ ученыхъ, мечтавшіе въ Парижѣ лично увидѣть того, чьи ученые труды имъ были близко извѣстны. Вообще не одна русская, но и вся европейская церковно-историческая наука въ лицѣ Василя Васильевича потеряла перво-класснаго ученаго, избранника среди избранныхъ. Къ сожалѣнію, весь длинный рядъ работъ его по коптскимъ, эіопскимъ и сирійскимъ источникамъ, особенно новѣйшихъ работъ, еще не сталъ предметомъ совокупнаго спеціальнаго ученаго изученія ориенталистовъ и церковныхъ историковъ. Только это спеціальное изученіе его трудовъ, въ связи съ общимъ положеніемъ европейской церковно-исторической науки въ переживаемый моментъ, можетъ со всею ясностью показать и величайшую чуткость почившаго церковнаго историка къ живымъ, современнымъ запросамъ его науки (особенно въ виду столь могущественнаго въ наши дни научнаго движенія въ область изученія древняго Востока), и положительную научную значимость для общей исторіи церкви его изысканій по исторіи не-греческихъ древне-христіанскихъ церквей. При свѣтѣ новыхъ спеціальныхъ знаній его открываются болѣе широкіе горизонты въ наукѣ общей исторіи Церкви.

Ученыя изслѣдованія Василя Васильевича представляютъ глубокій интересъ даже независимо отъ ихъ содержанія, независимо отъ тѣхъ положительныхъ научныхъ открытій, которыя въ нихъ содержатся. Они представляютъ глубокій интересъ для всякаго уже съ одной методологической стороны, по самому совершенству научно-техническихъ приѣмовъ изслѣдованія, и мы знаемъ,

что ихъ читали и изучали (и рекомендовали специально ихъ штудировать вступавшимъ на самостоятельный научный путь) научные дѣятели, иногда весьма далекие по своей специальности отъ предмета научныхъ работъ Василя Васильевича. На ученыхъ опытахъ Василя Васильевича съ полною наглядностью можно было убѣдиться, какимъ могущественнымъ орудіемъ въ процессѣ научнаго творчества является совершенный научный методъ изслѣдованія. Знакомство съ научными приемами Василя Васильевича тѣмъ болѣе поучительно, что онъ былъ совершенно чуждъ научнаго педантизма и шаблонныхъ формъ научно-формальной техники. И въ эту сферу, какъ и всюду, онъ вносилъ съ собою свой духъ животворящій... Не беря на себя характеристики научныхъ приемовъ покойнаго историка, не можемъ не отмѣтить одной черты, рѣзко выдѣляющей его изъ толпы рядовыхъ специалистовъ. Изучая ту или другую специальную область прошедшей жизни, онъ считалъ нужнымъ быть специалистомъ во всѣхъ смежныхъ съ нею областяхъ, никогда не замыкался въ узкія рамки своей ближайшей церковно-исторической проблеммы. Изучаемое историческое явленіе обслѣдовалось имъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ, хотя изъ этого всесторонняго обслѣдованія на рисуемую имъ картину попадали только нужныя для надлежащаго освѣщенія дѣла черты. Эта постоянная работа въ смежныхъ съ изучаемымъ предметомъ областяхъ сдѣлала его превосходнымъ специалистомъ въ вопросахъ общей хронологіи (тутъ онъ едва ли зналъ себѣ равныхъ въ Россіи), древней географіи, исторіи древней культуры, государственнаго и частнаго быта, метрологіи и пр. Оттого-то его историческое изложеніе нерѣдко блестяло (въ текстѣ) живыми красками жизни, а въ обильныхъ примѣчаніяхъ его такъ много важнаго и новаго находили представители разныхъ специальностей.

Параллельно съ этой собственной научно-творческой работой Василя Васильевича шла безостановочнымъ

ходомъ замѣчательная научно-критическая его дѣятельность. И не центральное положеніе общей церковной исторіи въ кругѣ академическихъ наукъ, а именно всеобъемлющая его эрудиція по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія сдѣлала Василю Васильевича съ первыхъ же шаговъ его профессорской службы какъ бы неизбѣжнымъ рецензентомъ большей части произведеній академической учено-богословской производительности. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онъ работалъ въ этомъ отношеніи за десятерыхъ, никогда не отказываясь, ни прямо, ни косвенно, отъ этой отвѣтственной, тяжелой и подчасъ досадной работы. Онъ участвовалъ въ двухъ докторскихъ диспутахъ — Ѳ. Г. Елеонскаго („Исторія Израильскаго народа въ Египтѣ“) и Н. А. Скабалановича („Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ“), и былъ рецензентомъ докторскихъ диссертаций Н. В. Покровскаго („Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“) и А. И. Садова („Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій“), а также научныхъ трудовъ (по преимуществу „Пастырства Христа Спасителя“) С. А. Соллертинскаго, доставившихъ ихъ автору докторскую степень. Число магистерскихъ диспутовъ и коллоквиумовъ съ его участіемъ восходитъ до 9. Онъ иногда, почти неожиданно для себя, замѣнялъ на коллоквиумахъ другого оппонента, не могшаго явиться по болѣзни. Не будучи оффиціальнымъ рецензентомъ иныхъ магистерскихъ диссертаций, онъ на дѣлѣ, въ процессѣ ихъ составленія, принималъ не менѣе близкое, руководственное, участіе, чѣмъ рецензенты оффиціальныя (диссертации А. П. Рождественскаго, И. Е. Евсѣева). Рядъ магистерскихъ работъ, начатыхъ подъ его руководствомъ, можно надѣяться, рано или поздно еще увидить свѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Готовность Василю Васильевича помочь всякому въ дѣлѣ науки поистинѣ не знала границъ. Къ нему обращались за помощью не только молодые ученые, но и уже много и съ честью порабатовавшіе на научной нивѣ. Въ сколькихъ изданіяхъ и кни-

Къ своимъ рецензентскимъ обязанностямъ Василій Васильевичъ относился съ замѣчательнымъ рвеніемъ и добросовѣстностью. Его отзывы разрослись иногда въ цѣлыя диссертаціи. Его отзывъ объ удостоенномъ Св. Синодомъ Макарьевской преміи сочиненіи Н. Н. Глубоковскаго („Блаж. Θεодоритъ“) вмѣстѣ съ его Addenda—*corrigenda* и съ его же *Addendis superaddenda*—превратился въ особыя *Theodoretiana*, занимающія 164 страницы. Отзывъ его о диссертаціи А. И. Садова занимаетъ около восьми печатныхъ листовъ. Результатомъ его коллоквиума съ В. Н. Самуиловымъ («Исторія аріанства на латинскомъ западѣ»), независимо отъ отзыва, явился особый этюдъ („Либерій епископъ римскій и сирмійскіе соборы“) въ 118 страницъ, внесшій много новаго въ спеціальную ученую литературу, и въ приложеніи къ нему два частныхъ экскурса... Въ отзывахъ Василя Васильевича о тѣхъ или иныхъ книгахъ, удостоенныхъ ученыхъ степеней или Макарьевскихъ премій (какъ внутреннихъ академическихъ, такъ и присуждаемыхъ Св. Синодомъ, каковы труды г. г. Кипарисова, Глубоковскаго, Спасскаго и др.), находится цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ дотолѣ наукъ, указаній и соображеній. Эти отзывы давали Василю Васильевичу счастливый случай подѣлиться съ ученой публикой результатами его глубокаго, всесторонняго и вполне самостоятельнаго изученія всей системы церковно-исторической науки. Иногда въ своемъ официальномъ отзывѣ одновременно съ детальной оцѣнкой книги Василій Васильевичъ давалъ и параллельный опытъ собственнаго оригинальнаго изслѣдованія входящихъ въ нее вопросовъ. Въ своемъ отзывѣ объ отзывахъ Василя Васильевича проф. И. Е. Троицкій въ свое время

гахъ незримо для всѣхъ хранятся перлы его таланта и эрудиціи, это хорошо извѣстно избранному кругу специалистовъ и близкихъ друзей почившаго. Сколько цѣнныхъ научныхъ сообщений и соображеній находится даже въ обыкновенныхъ его письмахъ къ его ученымъ корреспондентамъ!

отмѣтили важнѣйшія научныя открытія, нашедшія себѣ мѣсто въ нихъ. Такимъ образомъ процессъ научнаго творчества со всею силой продолжался и въ тѣхъ его трудахъ, которыя сами по себѣ вызывали его только на научно-критическій анализъ. Что же касается этого послѣдняго, то рецензіи Василія Васильевича представляютъ нѣчто всесовершенное и по силѣ мысли, и по тонкости чутья, и по экспрессіи и жизненности изложенія. Критическіе разборы Василія Васильевича можно было слушать непрерывно цѣлые часы, не только не утомляясь, но все болѣе ему изумляясь и имъ восторгаясь. Съ творчествомъ научнаго духа въ немъ побѣдоносно соперничалъ безпощадный научно-критическій анализъ.

Василій Васильевичъ Болотовъ, экстраординарный профессоръ съ 24 окт. 1885 года, самъ не искалъ докторской степени. Да и что могла прибавить докторская степень къ его ученой славѣ? И безъ этой степени онъ давно уже былъ и для Академіи, и для всѣхъ ученыхъ круговъ, — какъ бы прирожденный докторъ! Но самая докторская степень какъ бы принижалась тѣмъ, что ея не имѣлъ Василій Васильевичъ. Проф. И. Е. Троицкій, „выражая общее мнѣніе и желаніе всѣхъ членовъ академическаго совѣта“, вошелъ въ совѣтъ съ краткой докладной запиской (7 мая 1896) о возведеніи проф. В. В. Болотова въ степень доктора церковной исторіи „въ виду многочисленныхъ и капитальныхъ трудовъ его въ области церковной исторіи“. 21 мая 1896 г. Василій Васильевичъ удостоенъ совѣтомъ Академіи степени доктора церковной исторіи и утверждень въ этой степени Св. Синодомъ 15 іюля 1896 г.; 13 сент. 1896 г. избранъ совѣтомъ въ званіе ординарнаго профессора и 19 окт. того же года утверждень въ этомъ званіи Св. Синодомъ. Здѣшняя Императорская Академія Наукъ еще въ 1894 г. выразила свое вниманіе къ выдающимся ученымъ трудамъ Василія Васильевича избраніемъ его въ свои члены-корреспонденты.

Дѣлательность покойнаго Василія Васильевича не

ограничивалась одной академической работой, одним кабинетнымъ спеціально-ученымъ трудомъ. Къ его эрудиціи, къ его научно-исторической чуткости прибѣгали и его талантомъ пользовались, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, и наша высшая церковная власть, и отчасти высшее свѣтское правительство. Указомъ Св. Синода отъ 15 дек. 1892 г. покойный Василій Васильевичъ назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комиссію для предварительнаго выясненія условій и требованій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною русскою Церковію. Комиссія, назначенная Св. Синодомъ согласно волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III и подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго финляндскаго архіепископа Антонія состоявшая изъ лицъ, близко знавшихъ старокатолическое движеніе въ жизни и въ исторіи, получила въ лицѣ Василя Васильевича такого дѣлопроизводителя, который и всѣ необходимыя для нея историческія справки могъ дать въ полномъ изобиліи, и въ формулировкѣ условій и требованій соединенія послужить дѣлу всею силою и гибкостью своего несравненнаго языка. Дѣятельность комиссіи по старокатолическому вопросу потребовала отъ Василя Васильевича много труда. Затѣмъ онъ призванъ былъ высшею церковною властію принять самое близкое участіе въ совершившемся 25 марта 1898 года присоединеніи къ православной Церкви сиро-халдейскихъ несторіанъ. Нужно было выяснитъ, на какихъ условіяхъ и какимъ церковнымъ чиномъ должно совершиться каноническое воссоединеніе ихъ съ православною Церковію, а также перевести на языкъ присоединяемыхъ необходимыя вѣроисповѣдныя формулы и пр. Тутъ, въ этомъ необычномъ въ наши времена присоединеніи къ православною Церкви остатка ереси давно минувшихъ вѣковъ, какъ нельзя больше пригодились и истинно-историческій глубоко-научный взглядъ почившаго на церковныя каноническія и жизненныя отношенія православной вселен-

ской Церкви V и послѣдующихъ вѣковъ, и его рѣдкое знаніе восточныхъ языковъ. Этимъ послѣднимъ знаніемъ Василія Васильевича, почти одновременно съ его участіемъ въ сиро-халдейскомъ вопросѣ, воспользовалось и министерство иностранныхъ дѣлъ, тщетно дотолѣ искавшее въ Россіи ученаго, который могъ бы перевести нужныя ему абиссинскія грамоты (за эту услугу министерство ходатайствовало о награжденіи почившаго чиномъ дѣйств. стат. совѣтника). Василій Васильевичъ, кромѣ коптскаго и эіопскаго языковъ, зналъ и амхарскій (новоабиссинскій) языкъ. Въ послѣдній годъ своей жизни Василій Васильевичъ назначенъ былъ высшею церковною властью делегатомъ отъ духовнаго вѣдомства въ особую, образовавшуюся при астрономическомъ обществѣ, комиссію по вопросу о согласованіи нашего стараго стилия съ новымъ, принятымъ Западною Европою. Василій Васильевичъ, какъ мы говорили выше, былъ преимущественнымъ специалистомъ по вопросамъ хронологіи вообще. Интересовавшій комиссію вопросъ онъ изучилъ во всѣхъ его деталяхъ, не только съ церковно-канонической и научно-исторической, но и со всѣхъ другихъ сторонъ. Вообще русская, а съ нею и вся православная Церковь потеряла въ Василіѣ Васильевичѣ такого сына, къ научной помощи котораго съ полнымъ довѣріемъ всегда могла обратиться при рѣшеніи трудныхъ и важныхъ церковныхъ вопросовъ, требующихъ самаго обильнаго свѣта церковно-исторической науки. Въ этомъ своемъ церковно-общественномъ служеніи Василій Васильевичъ оставался, конечно, вѣренъ вполне своему строго-научному долгу. Каждый церковно-общественный вопросъ, по которому онъ призвался высказать свое компетентное сужденіе, становился, такъ сказать, темой для особой спеціальной диссертаціи его. Въ оставшихся послѣ смерти его портфеляхъ, въ проходившей черезъ его руки официальной перепискѣ по тѣмъ и другимъ церковно-общественнымъ вопросамъ находится, несомнѣнно, богатый запасъ и чисто-научнаго характера.

Весь жизненный путь Васи́лія Васи́льевича былъ путь науки, — чистый, свѣтлый путь чистой, возвышающей душу, науки. Его жизнь, это — жизнь не аскета, ищущаго въ ученѣ трудѣ противовѣса земнымъ вожделѣніямъ, а мыслителя, въ святомъ увлеченіи высшей истиной забывшаго все земное. Нашей Академіи выпало истинное счастье, что эта жизнь протекла, что этотъ путь пройденъ подъ ея стѣнью... Къ великому горю Академіи, путь научной жизни Васи́лія Васи́льевича прервался на половинѣ. До итоговъ жизни было еще такъ далеко, что почившій не успѣлъ даже, для всѣхъ ясно, формулировать своихъ конечныхъ цѣлей научныхъ! Но и на полупути своемъ Васи́лій Васи́льевичъ сдѣлалъ для науки столько, сколько рѣдкому научному дѣятелю удается сдѣлать и во весь, даже очень длинный, жизненный путь. Для Академіи имя Васи́лія Васи́льевича Болотова, неожиданно сошедшаго въ могилу въ самомъ расцвѣтѣ силъ, останется навсегда именемъ ея славы, — свѣтлымъ, оживляющимъ, возбуждающимъ высшіе научные порывы воспоминавіемъ о быломъ торжествѣ въ ея стѣнахъ творческой научной идеи.

Проф. П. Жуковичъ.

Перечень статей В. В. Болотова, помѣщенныхъ въ академическихъ журналахъ ¹⁾.

А. Въ «Христіанскомъ Чтеніи».

1. *Троякое пониманіе ученія Оригена о Святой Троицѣ*. Рѣчь предъ публичною защитою магистерской диссертации: „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“, 28 октября 1879 г. Хр. Чтеніе 1880, 1—2 (стр. 68—76).

2. *Къ исторіи вѣншіяго состоянія константинопольской Церкви подъ игомъ турецкимъ*. 1882, 1—2 (стр. 138—172) 9—10 (стр. 353—384).

3. *Безспорныя преимущества православной каволмической Церкви предъ всеми другими христіанскими исповѣданіями*, доктора Овербека, переводъ В. В. Болотова, съ примѣчаніями. 1882, 5—6 (стр. 776—798); 7—8 (176—207); 9—10 (385—413); 1883, 1—2 (56—114); 3—4 (407—445).

4. Изъ церковной исторіи Египта. Ревилью и его изданія. I. *Разказы Диоскора о Халкидонскомъ соборѣ*. Въ примѣчаніяхъ: церковно-историческіе очерки и наброски. 1884, 11—12 (стр. 581—625); 1885, 1—2 (9—94). Въ отдѣльныхъ оттискахъ: выпускъ первый, 131 стр. ²⁾

II. *Житіе блаженнаго Афу, епископа пемджескаго*. 1886, 3—4 (стр. 334—377). Въ отдѣльныхъ оттискахъ: выпускъ второй, 138—177 стр.

III. *Архимандритъ тавемисіотозъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г.* 1892, 1—2 (стр. 63—89), 5—6 (335—361).

¹⁾ Сост. А. Рождественскій. Сюда не вошли разлчичные отаввы В. В.-ча, отчеты и т. п., помѣщенные въ „Протоколахъ засѣданій Совѣта Спб. Дух. Академіи“.

²⁾ Ср. въ сборникѣ „Сердечный привѣтъ“ въ память пятидесятилѣтія служенія митрополита Исидора, стр. 169—299.

Appendix: „Параволана“ ли? (Ореографическій вопросъ). 1892, 7—8 (стр. 18—37).

Въ отдѣльныхъ оттискахъ: выпускъ третій, 181—255 стр.

IV. *День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка*. 1893, 7—8 (стр. 122—174); 11—12 (405—434). Въ отдѣльныхъ оттискахъ: выпускъ четвертый, 259—434 стр.

5. Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Эіопіи. I. Къ вопросу о соединеніи абиссинъ съ православною Церковію. (Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Академіи 16 февраля 1888 г.). 1888, 3—4 (стр. 450—469).

II. Богословскіе опоры въ эіопской Церкви. 1888, 7—8 (стр. 30—62); 11—12 (775—832).

Въ отдѣльныхъ оттискахъ I—II вмѣстѣ 111 стр.

За это изслѣдованіе (въ связи съ изслѣдованіемъ „разказы Діоскора о Халкидонскомъ соборѣ“ и „Описаніемъ двухъ эіопскихъ рукописей, пожертвованныхъ преосв. Анатоліемъ въ Вибліотеку Спб. Дух. Академіи“) автору (8 февр. 1890 г.) присуждена Совѣтомъ Академіи полная Макарьевская премія.

6. Либерій, епископъ римскій, и сирмійскіе соборы. Четверть часа магистерскаго коллоквиума 8 октября 1890 года, дополненная и разъясненная (По поводу коллоквиума В. Н. Самуилова: „Исторія арианства на латинскомъ западѣ“, 353—430 г.). 1891, 3—4 (стр. 304—315), 5—6 (434—459), 7—8 (61—78), 9—10 (266—282), 11—12 (386—394).

Экскурсъ первый: *Сардика или Сердика?* Ореографическій вопросъ. 1891, 5—6 (стр. 511—517).

Экскурсъ второй: *Реабилитация четырехъ документовъ 343 года*. 1891, 7—8 (стр. 79—109).

Въ отдѣльныхъ оттискахъ все вмѣстѣ: Выпускъ первый (главы I—X), 119 стр.

7. Михайловъ день. Почему соборъ св. архистратига Михаила совершается 8 ноября? (Эртологическій этюдъ). 1892, 11—12 (стр. 593—644). Въ отдѣльныхъ оттискахъ 56 стр.

8. *Слѣды древнихъ мѣсяцеслововъ помѣстныхъ церквей*. 1893, 1—2 (стр. 177—210). Въ отдѣльныхъ оттискахъ: Appendix къ этюду „Михайловъ день“, 59—94 стр.

9. Изъ исторіи Церкви сиро-персидской. Глава I. *Суніранъ*. Значеніе этого имени. 1899, 1 (стр. 95—112).

Экскурсъ А. *Sephakan-Waspurakan* (изъ исторической географіи Арменіи). 1899, 1 (стр. 112—121).

Экскурсъ Б. *Древнѣйшія митрополіи въ Церкви персидской*. 1899, 2 (стр. 323—349).

Экскурсъ В. *Смутное время въ исторіи сиро-персидской Церкви*. 1899, 3 (стр. 535—547).

Глава П. *Списокъ католикосовъ селевкіе-китисифонскихъ*. 1899, 4 (стр. 789—804), 5 (1004—1031), 6 (1182—1204).

Экскурсъ Г. *Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія?* 1900, 1 (стр. 65—99), 3 (428—439).

Пареруов. *Изъ эпохи споровъ о пасхѣ въ концѣ II в.* 1900, 3 (стр. 439—454).

10. Примѣчаніе относительно коптскихъ переводовъ откровенія о седминахъ въ дополненіе къ переводу В. В. Болотова съ коптскаго, помѣщенному въ сочиненіи А. П. Рождественскаго: „Откровеніе Даніилу о семидесяти седминахъ“. Хр. Чт. 1896, 7—8 (стр. 143—145).

Въ томъ же сочиненіи В. В. Болотову принадлежатъ „Приложеніе II“ (стр. 271—274) по вопросу о томъ, какъ думалъ св. Ипполитъ Римскій о продолжительности служенія Господа нашего Ісуса Христа.

11. Валтасаръ и Дарій Мидяннинъ. Опытъ рѣшенія экзегетической проблемы. Съ двумя приложеніями: А. *Ante-datirung или Postdatirung?* Спорный вопросъ въ вавилонской хронологіи. В. *Имя Аетіагъ*. Хр. Чтеніе 1896, 9—10 (стр. 279—341). Въ отдѣльн. оттиск. 279—341 стр.

12. *Замѣты понятія ἱερός на восточныхъ языкахъ* (письмо къ свящ. М. И. Орлову). 1897, 4 (стр. 633—641).

13. „Трактаты“ Геласія I (по поводу коллоквиума 15 марта 1899 г. М. И. Орлова „*Liber Pontificalis* какъ источникъ для исторіи римскаго папства и полемики противъ него“). 1899, 4 (стр. 812—817).

14. *Нѣмецкая богословская литература* (Библиографическія замѣтки). Монографіи: К. Гольстена, Липсіуса, Гельцера, Бригера, Буркгардта, Францисса и Вахмана.— Системы церковной исторіи Гергенрѣтера, Шмида, Ландерера, Бюлера, Михеліса и Лауріна. 1881, 9—10 (стр. 514—574).

15. *Иностранная богословская литература*. Библиографическія замѣтки о новыхъ сочиненіяхъ Кейма, Лангена, Ленера, Шегга, Функа, Дрезеке, Рисселя. 1882, 11—12 (стр. 796 — 836); — Копаллика, Гуйлью, Грегоровіуса, Марра и Ж. Гавэ. 1883, 5—6 (стр. 778—817).

16. *Отзывъ о сочиненіи В. Китаписова, удостоенномъ Св. Синодомъ преміи митрополита Макарія: „О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исто-*

рии Церкви и государства съ I по IX в. Выпускъ первый, Москва 1883 г.“ Хр. Чтеніе 1886.

17. *Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Глубоковского, удостоенномъ Св. Синодомъ преміи митрополита Макарія: „Влаженный Θεодоритъ, епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность“.* *Addenda-correctiva*. 1892, 7—8 (стр. 58—124). *Addendis superaddenda* *ibid.* (стр. 125—164). Въ отдѣльныхъ оттискахъ: *Theodoretika*, 164 стр.

18. *Замѣтка о книгѣ проф. Фр. Лаухерта: „Каноны важнѣйшихъ древне-церковныхъ соборовъ вмѣстѣ съ апостольскими правилами“.* 1896, 7—8 (стр. 178—195).

19. *„Часословъ эіонской церкви. Издалъ и перевелъ на основаніи нѣсколькихъ рукописей Б. Тураевъ“.* (Библиографическая замѣтка). 1898, 2 (стр. 189—198).

20. *Описаніе двухъ эіонскихъ рукописей, пожертвованныхъ въ бібліотеку Спб. Духовной Академіи пресвященнымъ Анатоіемъ, епископомъ балтскимъ.* 1887, 7—8 (стр. 137—160).

21. *Описаніе сирской рукописи, пожертвованной К. В. Харламповичемъ* (Ак. б. № В III/1), 1900, 4 (стр. 676—679).

Кромѣ того помѣщены:

22. *Описаніе сирско-каршунской рукописи — монсфизитскаго служебника* (№ 3702 Исид. б.)—въ „Алфавитномъ Указателѣ книгъ и рукописей, поступившихъ въ бібліотеку Спб. Духовной Академіи въ 1893 г.“ (стр. 95—99).

23. *Описаніе эіонской рукописи, пожертвованной Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблеромъ* (Ак. б. № В II/88)—въ „Протоколахъ засѣданій Совѣта Спб. Духовной Академіи за 1895—96 г.“

Б. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“¹⁾.

а. *Журнальное обозрѣніе* (статьи въ духовныхъ журналахъ) 1880 № 2 (стр. 6—9), № 27 (6—9), № 33—34 (5—7); 1881 № 3 (11—13), № 6 (15—16).

б. *Еще о „Справочномъ и объяснительномъ словарѣ къ Новому Завету“* г. Гильтебрандта. 1884 № 6 (стр. 4—7), № 7 (5—7).

в. *Библиографическая замѣтка о книгѣ В. И. Ламанскаго „Secrets d'état de Venise“.* 1884 № 29 (стр. 6—9).

г. *Нѣсколько словъ о новомъ изданіи греческаго текста перевода LXX* (P. de Lagarde, *Librorum Veteris Testa-*

¹ Мелкія замѣтки опущены.

menti canonicorum pars prior graece. Göttingen 1883). 1884 № 41 (стр. 6—8) ¹⁾.

д. *Тайна еврейскаго вопроса* (сокращенный переводъ статей Р. Ф. Грау изъ „Beweis des Glaubens“ 1881). 1884 № 49 (стр. 5—7), № 50 (7—8), № 51—52 (9—12); 1885 № 2 (29—30), № 3 (51—52), № 4 (74—75) ²⁾.

е. *Библиографическая замѣтка о книгѣ проф. А. Лебедева: „Эпоха гоненій на христіанъ и утверженіе христіанства въ греко-римскимъ мірѣ при Константинѣ В.“* 1885 № 13 (223—224) ³⁾.

ж. *Оглавленіе неофициальной части „Церковнаго Вѣстника“ за первое полугодіе 1885 г.—первое систематическое оглавленіе, по образцу котораго составляются оглавленія и до настоящаго времени.* 1885 № 25—26 (стр. 424—428).

з. *Замѣчанія на коллоквиумахъ: аа. В. Н. Самуилова „Исторія арианства на латинскомъ западѣ“.* 1890 № 42 (стр. 699—700).

бб. *Т. А. Налимова „Вопросъ о папской власти на констанцкомъ соборѣ“.* 1890 № 45 (стр. 745—746).

вв. *П. С. Соколова „Церковная реформа императора Іосифа II“.* 1893 № 46 (стр. 730—731).

и. *А. И. Бриллиантова „Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены“.* 1898 № 21 (стр. 733—736).

дд. *М. И. Орлова „Liber Pontificalis“.* 1899 № 1 2 (452—455).

¹⁾ Статьи а—г подписаны Б—л—з.

²⁾ Безъ подписи.

³⁾ Подпись F.

Послѣдніе дни и минуты жизни профессора

Василія Васильевича Болотова.

Болѣзнь, преждевременно сведшая Василія Васильевича въ могилу, давно уже подтачивала его надломленное неустанными трудами здоровье. Хроническое воспаленіе почекъ (нефритъ), осложненное геморроидальными страданіями, болѣзнію печени и отчасти сердца,—все это вмѣстѣ было причиною его преждевременной кончины, предотвратить которую въ періодъ самаго остраго развитія болѣзни не могла уже никакая медицинская помощь. Самъ Василій Васильевичъ, занятый всецѣло и безраздѣльно подвигомъ цѣлой своей жизни—научными работами, мало обращалъ вниманія на свое физическое здоровье. Повидимому, онъ и самъ вѣрилъ, что силъ его еще достаточно для того, чтобы вынести всю тяжесть подъятыхъ имъ на себя и возлагаемыхъ на него другими трудовъ и порученій, хотя въ послѣднее время и говорилъ иногда, что онъ «не жилецъ XX-го столѣтія». Однако, душа его все болѣе и болѣе стремилась къ излюбленнымъ имъ занятіямъ. Онъ не покладалъ своихъ рукъ до тѣхъ поръ, пока физическія силы совсѣмъ не измѣнили ему,—и онъ слегъ въ постель. Слегъ онъ въ постель только 22 марта, хотя уже и раньше (по крайней мѣрѣ съ 13 марта) онъ ощущалъ потребность въ отдыхѣ на постели въ теченіе дня, чего однако прежде онъ не позволялъ себѣ почти никогда. Слегши даже въ постель, Василій Васильевичъ не могъ отрѣшиться отъ книжныхъ занятій: лежа въ постели, онъ

читалъ и просматривалъ вновь полученныя имъ изданія по церковной исторіи Египта и другія научныя новинки, только-что присланныя ему изъ-заграницы. Пишущій эти строки наблюдалъ это не только до 22 марта, но даже 22 и 23 марта, слѣдовательно наканунѣ и въ самый день отправленія Василя Васильевича въ больницу Крестовоздвиженской общины. И отправляясь въ больницу, онъ взялъ съ собою нѣсколько книжекъ, которыхъ ему однако не удалось читать... Болѣзнь все болѣе и болѣе ослабляла силы Василя Васильевича, и онъ по совѣту друзей (д-ра П. В. Модестова, дружески посѣщавшаго его и въ больницѣ) и съ благословенія владыки-митрополита, лично посѣтившаго больного на одрѣ болѣзни въ квартирѣ 23 марта, рѣшили для лѣченія переселиться въ больницу, гдѣ благодаря особому вниманію предсѣдателя совѣта общины товарища оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера предоставлены были больному всѣ возможныя удобства и предложень былъ ему самый заботливый уходъ.

Итакъ, съ 23 марта Василій Васильевичъ началъ свое лѣченіе въ больницѣ. Первые три дня подняли по-видимому самочувствіе больного: появился у него аппетитъ, котораго не было раньше, окрѣпли по-видимому нѣсколько и физическія силы; рѣчь его по-прежнему была тверда, сознаніе—конечно—было вполне ясное и разсужденія его по разнымъ вопросамъ были столь же логичны и поучительны, какъ это наблюдалось и прежде—до болѣзни. Но вдругъ чрезъ три дня (а именно съ 27 марта) обнаружили у больного эпилептическіе припадки, которые страшно ослабили надломленный уже его организмъ. Потребовалось прибѣгнуть немедленно къ консультаціи врачей: собрались выдающіяся медицинскія силы и констатировали острый характеръ болѣзни (нефритъ), которая и свела почившаго въ могилу. Однако, медицина долго еще боролась противъ установленнаго зловѣщаго недуга... Но силы больного слабѣвали. Все-таки надежды друзей и почитателей, которые посѣщали больного, не падали. За болѣзнію Василя Васильевича

внимательно слѣдили не одни только больничные спеціалисты. Болѣзнь его страшно беспокоила многочисленных его друзей и почитателей, которые не только заочно спрашивались о состояніи его здоровья, но и лично спѣшили успокоить себя какими-нибудь хоть слабыми и можетъ быть преувеличенными надеждами. Владыка-митрополитъ, преосвященный ректоръ академіи, В. К. Саблеръ, многие сослуживцы и близкіе знакомые по профессіи посѣщали его въ больницѣ, молитвенно желая ему выздоровленія. Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что чудо милости Божіей можетъ еще проявиться надъ дорогимъ для русской церкви и науки пациентомъ больницы. Но увѣ! Дальнѣйшее теченіе болѣзни, незамѣтно для вѣрующихъ и благожелательныхъ посѣтителей, приводило больного къ роковому концу. Правда, наканунѣ своей кончины (т. е. 4 апрѣля) Василій Васильевичъ чувствовалъ себя значительно лучше, чѣмъ въ ближайшіе предшествующіе дни. Пишущій эти строки провелъ у него въ этотъ день около часу и вышелъ отъ больного, успокоенный отчасти и своимъ личнымъ впечатлѣніемъ и въ особенности компетентными наблюденіями врачей. Но вдругъ—на другой день (т. е. 5 апрѣля) сообщено было въ академію по телефону о тяжеломъ положеніи больного. Вѣсть эта обезпokoила всѣхъ, кто только слышалъ ее, и пишущій эти строки вмѣстѣ съ другимъ своимъ коллегой—другомъ почившаго, П. Н. Жуковичемъ, поспѣшилъ въ больницу. Дѣйствительно, положеніе больного вслѣдствіе астмическаго припадка стало не только хуже прежняго, но и становилось роковымъ. Больной приобщился въ этотъ день Св. Тайнъ (уже въ третій разъ во время своей болѣзни); мѣстный больничный священникъ о. А. П. Васильевъ, такъ участливо вообще относившійся къ больному, напутствовалъ его молитвою объ исходѣ души. Но послѣ этого больной какъ бы ожилъ, пришелъ въ сознаніе и узналъ подоспѣвшихъ къ этому времени своихъ упомянутыхъ сослуживцевъ. Скоро прибыли въ больницу: о. инспекторъ академіи архимандритъ Сергій,

проф. М. И. Каринскій, В. С. Серебrenиковъ,— и долго оставались при одрѣ болѣзни значительно уже ослабѣвшаго Василя Васильевича. Физическія силы его все болѣе и болѣе слабѣли; по временамъ онъ впадалъ повидимому въ полубезсознательное состояніе, но потомъ снова приходилъ въ сознаніе и—несмотря на затрудненную вслѣдствіе начавшагося отека легкихъ рѣчь—охотно и много говорилъ, произнося впрочемъ только отдѣльныя слова и отрывочныя фразы. Еще за три часа до смерти онъ, напр., произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Какъ прекрасны предсмертныя минуты!» А спустя часъ онъ сказалъ: «умираю!» Но подоспѣвшюю медицинскую помощь облегчены были отчасти физическія страданія, на которыя впрочемъ больной не жаловался какъ теперь, такъ и ранѣе, перенося съ замѣчательнымъ терпѣніемъ всѣ даже самыя тяжелыя припадки болѣзни. Онъ продолжалъ сохранять обычное свое жизнерадостное настроеніе и не переставалъ произносить, хотя и съ трудомъ, отдѣльныя слова и выраженія, изъ которыхъ можно было разобрать только нѣкоторыя: «Иду ко кресту», «Христосъ идетъ», «Богъ идетъ», да еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ на непонятныхъ для присутствовавшихъ иностранныхъ языкахъ (коптскомъ или эіопскомъ). Видимо, мысль больного еще работала, но органъ рѣчи былъ затрудненъ физическими страданіями. Только за четверть часа до смерти больной пересталъ говорить, и послѣ того тихо, спокойно, безъ всякой агоніи, сталъ какъ бы засыпать, постепенно самъ закрывая глаза и слагая на перси свои руки. Къ моменту кончины пришелъ къ умирающему больничный священникъ и, колѣнопреклоненный, въ присутствіи окружающихъ одрѣ сердобольныхъ сестеръ, такъ заботливо ухаживавшихъ за больнымъ, въ присутствіи дежурнаго врача и пишущаго эти строки, прочиталъ отходную молитву. Это было въ промежутокъ между 7—7 ч. 10 м. вечера, во время всенощнаго бдѣнія на великій четвергъ.

И П.

Погребеніе профессора Василя Васильевича Болотова.

Въ Академіи печальная вѣсть о смерти Василя Васильевича получена была во время всеобщаго бдѣнія, за которымъ присутствовала вся профессорская и студенческая академическая семья, готовившаяся къ предстоящему ей на слѣдующій день св. причастію. Тотчасъ же послѣ всеобщей въ академической церкви преосвященнымъ ректоромъ со всѣмъ академическимъ духовенствомъ отслужена была первая панихида по скончавшемся профессорѣ.

Немедленно же послѣ всеобщей и академической панихиды прибывшій къ праху почившаго о. инспекторъ Академіи отслужилъ и въ больничной часовнѣ, куда студентами Академіи перенесено было на рукахъ тѣло покойнаго, панихиду по немъ (въ 10 ч. вечера) въ присутствіи нѣсколькихъ профессоровъ и значительнаго числа студентовъ, прибывшихъ изъ Академіи позднимъ вечеромъ въ больницу (отстоящую отъ Академіи не менѣе 5 верстъ). Они остались въ часовнѣ на всю ночь — читать псалтырь при гробѣ почившаго профессора.

На другой день, въ великій четвергъ, въ два часа дня, послѣдовалъ выносъ тѣла скончавшагося въ Академію. Близкая къ покойному академическая семья окружила со всѣхъ сторонъ вилотную гробъ своего лучшаго, своего безцѣннаго, члена и пѣшкомъ проводила его въ родную ему Академію, всецѣло замѣнявшую ему — одинокому

подвижнику науки — и семью, и все житейское въ жизни. Что-то трогательное было въ этой многолюдной интеллигентной толпѣ, шедшей за гробомъ челоуѣка, съ которыми никто изъ шедшихъ не былъ связанъ узами даже самаго отдаленнаго плотскаго родства... Въ печальномъ шествіи участвовала не только академическая семья нынѣшнихъ дней, но и многіе представители прежнихъ поколѣній академическихъ учениковъ почившаго профессора, а также другіе его почитатели, связанные съ нимъ узами научнаго родства. Въ составѣ шедшаго предъ гробомъ, во главѣ съ инспекторомъ академіи архим. Сергіемъ, духовенства находились почетный членъ нашей Академіи, проф.-прот. М. И. Горчаковъ, проф.-прот. С. А. Соллертинскій, предсѣдатель общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, прот. Ф. Н. Орнатскій и др. Съ пѣніемъ «Святый Боже» медленно подвигалась процессія и лишь къ 4¹/₂ часамъ вечера достигла академіи. Отъ Знаменской церкви студенты несли гробъ на рукахъ. Въ академическомъ вестибюлѣ она встрѣчена была преосв. Борисомъ, ректоромъ Академіи. Гробъ съ тѣломъ почившаго Василія Васильевича внесенъ былъ въ актовъ залъ и поставленъ на особо приготовленномъ катафалкѣ прямо противъ кафедры. Преосв. Борисъ сказалъ въ честь и славу почившаго глубокопрочувствованное надгробное слово. Академическій актовъ залъ, видѣвшій столько ученыхъ триумфовъ почившаго Василія Васильевича, его блестящею рѣчью оглашавшійся чаще, чѣмъ рѣчью кого-либо другаго, принялъ его, уже безмолвнаго... Въ актовомъ залѣ гробъ находился до великой субботы. При гробѣ совершались панихиды академическимъ духовенствомъ съ преосв. ректоромъ во главѣ. Въ пятницу къ панихидѣ, бывшей послѣ часовъ, прибылъ владыка-митрополитъ. Служились панихиды духовенствомъ семинарскимъ съ ректоромъ архим. Сергіемъ во главѣ и другими. На гробъ возложены были металлическіе вѣнки отъ товарищей-сослуживцевъ («Дорогому, незабвенному, славному профессору»), отъ студентовъ

старших и младших курсовъ («Незабвенному», «Любимѣйшему»), отъ профессора кievской духовной академіи В. З. Завитневича (большой вѣнокъ изъ незабудокъ — «Дорогому Василю Васильевичу отъ друга»).

Въ субботу, въ 10 часовъ утра, послѣ часовъ, гробъ изъ актовaго зала перенесенъ былъ профессорами въ академическую церковь. Передъ перенесеніемъ тѣла изъ актовaго зала въ церковь преосв. ректоръ прочелъ полученную имъ отъ синодальнаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева телеграмму (см. ниже). Вслѣдъ затѣмъ о. инспекторъ архим. Сергій въ краткой рѣчи напомнилъ слушателямъ религіозно-церковныя завѣты почившаго профессора. Затѣмъ въ академической церкви началась литургія, совершенная преосв. Борисомъ въ сослуженіи академическаго духовенства. Во время литургіи и отпѣванія находилась въ церкви «вся Академія», и не только нынѣшняя, но и бывшая, съ бывшими профессорами М. И. Каринскимъ, В. И. Ламанскимъ, А. Л. Катанскимъ, Ѳ. Г. Елеонскимъ во главѣ. Въ церкви были свѣтскіе ученые почитатели Василя Васильевича (Э. Л. Радловъ, редакторъ Ж. М. Н. Пр., Б. А. Тураевъ, А. И. Поповицкій, редакторъ «Русскаго Паломника», д-ръ П. В. Модестовъ и др.) и много молодыхъ дѣятелей науки, лично или книжно соприкасавшихся съ почившимъ. Во время литургіи, вмѣсто запричастнаго стиха профессоръ академіи Т. А. Налимовъ произнесъ слово, въ которомъ старался выяснитъ великій смыслъ совпаденія дня покоя Христова съ днемъ погребенія почившаго профессора (котораго онъ и охарактеризовалъ, какъ человѣка могучаго ума, великой души, безпримѣрнаго труда, какъ профессора, который одинъ могъ стать за всѣхъ).

Передъ началомъ отпѣванія преосв. Борисъ, ставши на солеѣ, прочелъ полученную владыкою-митрополитомъ помѣщенную выше телеграмму изъ Москвы отъ товарища оберъ-прокурора Св. Синода сенатора В. К. Саблера съ выраженіемъ Высочайшаго соболѣзнованія... Высочайшее вниманіе къ почившему великому ученому ду-

ховной науки привело въ восторженное умиленіе всю наполнявшую церковь толпу почитателей почившаго профессора, растрогало ее до слезъ.

Во время отпѣванія сказано было нѣсколько глубоко-вѣрныхъ и глубоко-сердечныхъ рѣчей. Столько тяжелой, несходной тоски, но вмѣстѣ съ этимъ и радостной гордости за нашу общую славу слышалось въ нихъ, что слушать ихъ хотѣлось болѣе и болѣе... Покойный Василій Васильевичъ вставалъ передъ нами, какъ живой, во всей полнотѣ своихъ необычайныхъ духовныхъ дарованій, своихъ пяти Божьихъ талантовъ, пріумноженныхъ имъ до послѣдней возможной здѣсь для человѣка степени (рѣчь проф. - свящ. Е. П. Аквилонова), какъ блестящій, возвышающій, увлекающій, чарующій профессоръ (рѣчь профессорскаго стипендіата по русской церк. исторіи А. В. Карташова), какъ великій ученый, достигшій высшаго на землѣ блаженства въ процессѣ непрерывныхъ научныхъ открытій (рѣчь доцента свящ. М. И. Орлова), какъ вдохновенный возбудитель вышшихъ научныхъ порывовъ и заботливый ихъ охранитель и укрѣпитель (рѣчь отъ лица «сыновъ разсѣянія» смотрителя московскаго законоспасскаго дух. училища И. Е. Евсѣева), какъ отмѣченный печатью необычайныхъ дарованій еще на семинарской скамьѣ и уже на ней совсѣмъ особый человѣкъ (рѣчь помощника инспектора тверской духовной семинаріи М. В. Рубцова, школьнаго товарища Василя Васильевича). Отъ лица нынѣшнихъ студентовъ обращены были къ почившему Василю Васильевичу особыя прощальныя рѣчи, изъ которыхъ три (студ. IV к. Василя Успенскаго, II к. Алексѣя Лаврова и Анатолія Судакова) сказаны были въ церкви, а четвертая (студ. I к. Владиміра Потапова) уже въ академическомъ вѣстибюлѣ, во время перенесенія гроба профессорами и студентами изъ церкви на кладбище (Никольское кладбище Александро-Невской Лавры).

Здѣсь, на могилѣ, когда гробъ уже опущенъ былъ въ нее, послѣ литіи, совершенной преосвященнымъ ректо-

ромъ, проф. И. С. Пальмовъ сквозь душившія его слезы сказалъ своему другу послѣднее прости и напомнилъ всѣмъ, окружавшимъ разверстую могилу, послѣдніе великіе завѣты его—завѣтъ внутренняго глубокаго сочетанія знанія и вѣры, свободы научнаго изслѣдованія при полномъ послушаніи вселенскому преданію, завѣтъ неустаннаго труда до самопожертвованія, завѣтъ вѣры въ торжество истины и добра, завѣтъ вѣры въ жизненную силу русскаго народа. Это трогательное послѣднее прости друга-товарища жгучею болью прошло по сердцу у всѣхъ. На могилу одинокаго подвижника науки столько пролито было горькихъ слезъ!... Нѣсколько близкихъ къ почившему профессоровъ оставались на кладбищѣ до окончательнаго устройства могилы. Идя съ кладбища домой, не хотѣлось все-таки вѣрить, что нашего безцѣннаго Василя Васильевича нѣтъ уже съ нами. Не хочется вѣрить и теперь. Что имѣли мы и что потеряли!..

П. Ж.

Р Ъ Ч Ь

при встрѣчѣ гроба съ останками профессора Спб.
Дух. Академіи В. В. Болотова, сказанная въ акто-
вомъ залѣ Академіи

(6 апрѣля 1900 г.).

Незабвенный нашъ Василій Васильевичъ!

Ожидая твоего пришествія сегодня, послѣдняго твоего пришествія подъ сѣнь родной тебѣ Академіи, которой ты посвятилъ всю жизнь и всѣ силы свои, я перечитывалъ послѣднее письмо твое. Ты закончилъ его словами: «думаю, что мнѣ слѣдуетъ пролежать въ постели лишь сегодня, чтобы голова моя прояснилась, и я уравнился». Такъ думалъ и я тогда, надѣясь скорѣе опять видѣть тебя полнымъ силъ и энергіи, съ такою же ясностью мысли и твердостью слова, столь же бодрымъ и спокойнымъ, какимъ привыкли мы видѣть тебя. И вотъ мы, дѣйствительно, видимъ тебя, но не такимъ, какимъ видѣть желали и надѣялись. Любимѣйшій сынъ Академіи, слава и гордость ея, ты еще разъ пришелъ къ ней, но пришелъ лишь для того, чтобы проститься съ нею навѣки и получить послѣднее ея напутствіе въ тотъ путь, изъ котораго возврата нѣтъ. Ты еще съ нами; но глаза твои, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась чистая и прямая душа твоя, свѣтлый и глубокій умъ твой, эти глаза закрыты навсегда. Ты еще въ Академіи; но уста твои, изъ которыхъ лилась свободно рѣчь столь ясная, отчетливая, всегда проникнутая столь не-

сомнѣнною любовью къ истинѣ и правдѣ, что нельзя было не восхищаться ею, даже не соглашаясь иногда съ ея содержаніемъ, эти уста сомкнуты уже навсегда. Дорогой нашъ Василій Васильевичъ! Пржедвременная кончина твоя—тяжкое горе для Академіи, горе, поразившее насъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неожиданнѣе обрушилось оно на насъ. Утрата тебя для Академіи невознаградима, потому что такая колоссальная и многосторонняя ученость, такіа блестящія и могучія дарованія, какими обладалъ ты, великая рѣдкость не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что профессура твоя была бы истиннымъ украшеніемъ для всякой академіи, для каждаго университета, что во всякой ученой корпораціи ты съ честію занималъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ. Исторія нашей Академіи отведетъ тебѣ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ своихъ. Память праведныхъ съ похвалами (Притч. X, 7). Къ тебѣ вполне приложимы эти слова Премудраго, равно какъ и слѣдующія слова Писанія о мужахъ мудрыхъ и достопамятныхъ: «это были мужи именитые силою; они давали разумные совѣты, были руководителями при совѣщаніяхъ и въ книжномъ обученіи. Мудрыя слова были въ ученіи ихъ. Они были уважаемы между племенами своими и во дни свои были славою. Есть между ними такіе, которые оставили по себѣ имя для возвѣщенія хвалы ихъ» (Сирах. XLIV, 2—8). Слава и честь тебѣ, доблестный труженикъ, высоко державшій знамя вѣры и науки! Но эта земная слава и честь отъ людей — ничто въ сравненіи съ тою небесною славою, вѣнецъ которой, твердо уповаю, дастъ тебѣ праведный Судія, «Иже воздастъ, по терпѣнію дѣла благаго, славу и честь и нетлѣнне ищущимъ, животъ вѣчный (Рим. II, 6—8), якоже есть писано: ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его» (1 Кор. II, 9). Возлюбленный братъ нашъ! Блаженъ путь, вонъже идеши днесъ, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія, мѣсто среди правед-

ныхъ, «иже убѣлиша ризы своя въ крови агнчей и сего ради суть предъ престоломъ Божиимъ и служатъ Ему день и ночь въ церкви Его, и Сѣдѣи на престолѣ вселитя въ нихъ. Не възлчуть втому, ниже вжаждутъ, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной. Яко Агнецъ, иже посредѣ престола, упасеть я, и наставитъ ихъ на животныя источники водъ» (Откров. VII, 14—17).
Аминь.

Епископъ Борисъ.

РѢЧЬ,

произнесенная инспекторомъ Академіи архимандритомъ Сергіемъ передъ выносомъ тѣла почившаго В. В. Болотова изъ актовaго зала въ академическій храмъ.

Позвольте, братіе, сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ мы вынесемъ гробъ В. В. навсегда изъ этого актовaго зала... Здѣсь, въ этомъ залѣ, столько разъ мы видѣли В. В. въ нашей средѣ на нашихъ академическихъ актахъ и диспутатахъ, столько разъ имѣли возможность удивляться его безпримѣрной учености и слышали отъ него столько поучительнаго и полезнаго. Теперь онъ съ нами здѣсь въ послѣдній разъ... Что же скажетъ онъ намъ въ этотъ послѣдній разъ? Какой урокъ преподастъ онъ при этомъ прощаніи навсегда? Я думаю, братіе, что урокъ этотъ въ томъ, что В. В., собравъ себѣ изумительныя свѣдѣнія почти по всѣмъ областямъ богословскаго знанія, кромѣ того былъ причастенъ той высшей премудрости, о которой намъ говоритъ Св. Писаніе: В. В. зналъ, зачѣмъ онъ живетъ, и умѣлъ жить сообразно съ этимъ знаніемъ. Онъ зналъ, что жизнь человѣку дана не для того, чтобы жить, не для удовольствія, а для того, чтобы творить волю Божію, исполнять свой долгъ. Не гоняясь за земными почестями, за матеріальными удобствами жизни, онъ умѣлъ служить безкорыстно наукѣ, и въ обыденной житейской обстановкѣ умѣлъ не забывать своего небснаго призванія.

Поэтому В. В. и могъ умереть такой блаженной, хри-
стианской кончиной. Будемъ же, братіе, помнить этотъ
послѣдній, этотъ вѣчный урокъ, преподанный намъ на-
шимъ дорогимъ В. В., научимся находить смыслъ жизни
не въ земномъ благополучіи, не въ погонѣ за своей вы-
годой, а въ стремленіи къ почести высшаго званія, въ
служеніи Богу и Его царствію. Теперь же помолимся,
чтобы Божественная Премудрость, посѣтившая В. В., воз-
дала ему праведный вѣнецъ за его труды и за его чистую
жизнь. Какъ пожившій чисто, онъ можетъ воспѣть Богу
ту вѣчную пѣснь, о которой говоритъ апостолъ Іоаннъ
въ Апокалипсисѣ. Вѣчная память Василию Васильевичу!

СЛОВО,

сказанное за литургіей вмѣсто запричастнаго стиха.

Днешній день тайно великій Моисей прообразоваше, глаголя: и благослови Богъ день седьмый. Сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ оныже почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Сынъ Божій, смотрѣнемъ еже на смерть плотію субботствовавъ: и во еже бѣ пакы возвраща съ воскресеніемъ, дарова намъ животь вѣчный, яко единъ благъ и человеклоубецъ (Стихира на „Господи възвахъ“ въ великую субботу).

Сегодня эта церковная пѣснь видимо не соотвѣтствуетъ нашему душевному состоянію. Для естественнаго человѣческаго чувства сія суббота не день упокоенія, благословенный, а день гнетущей душу скорби, день шемящаго сердце горя, горя безутѣшнаго. Среди нашего храма видимъ мы сегодня не изображеніе только гроба Богочеловѣка, гроба, источившаго нетлѣніе міру; но возвышается и гробъ настоящій, страшный свидѣтель того, что царствуетъ еще адъ надъ родомъ человѣческимъ (канонъ вел. субботы, тропарь 6 пѣсни) и грѣхъ собираетъ съ насъ свой тяжелый оброкъ. И особо тяжелъ нынѣ взятый оброкъ, тяжелъ почти до невозможности, тяжелъ до того, что можно бы предпочесть не провожать въ загробный міръ теперь по-

чившаго, а быть нынѣ самому имъ провожаему. Неумолимая смерть уносить изъ нашей среды самаго могучаго, самаго ревностнаго труженика, невольно возбуждавшаго чувство притрепетнаго изумленія мощью своего духа, — уносить того, кто одинъ въ силахъ былъ замѣнить и всегда съ готовностію замѣнялъ едва ли не каждого изъ насъ и кого одного всѣ мы теперь замѣнить не сможемъ. Во мракъ гроба нисходитъ лучезарнѣйшее свѣтило духовной науки русской, нисходитъ во всемъ блескѣ своихъ лучей, едва совершивъ половину своего жизненнаго пути. Истинный израильянинъ, въ немъ желсти нѣсть (Іоан. I, 47), человѣкъ, поставившій служеніе истинѣ единою цѣлью для себя не только въ наукѣ, но и въ жизни, чуждый всякаго тщеславія въ отношеніи къ себѣ и лицепріятія въ отношеніи къ другимъ и этою высотою и чистотою своего нравственнаго характера ставшій какъ бы зеркаломъ нашей совѣсти, обращеніе къ которому являлось почти неизбѣжнымъ уже при всякомъ колебаніи, самъ предстоить теперь престолу Судіи всего міра, а отъ насъ безвозвратно скрывается въ земной персти. Тяжела, невыразимо тяжела наша утрата! И тяжесть ея еще усугубляется тѣмъ, что такъ недавно мы отдали уже нелегія жертвы и смерти и тяжкой болѣзни и на почившемъ нынѣ сосредоточивались наши надежды. Думалось, что высоко поднятое знамя церковно-исторической науки еще долго пробудетъ въ его мощныхъ рукахъ и подъ его сѣнью заполнятся и вновь окрѣпнутъ порѣдѣвшіе ряды тружениковъ въ этой области. И вотъ теперь, вмѣсто этихъ надеждъ, новая, невознаградимая уже для ближайшихъ поколѣній, потеря. Не часто встрѣчаются и раздѣльно такіе глубокіе, всеобъемлющіе, творческіе умы, твердые характеры, чистыя сердца; а сочетаніе всего этого въ единой личности—явленіе прямо исключительное. А между тѣмъ, изъ глубины совѣсти раздается еще голосъ укора за то, что мы плохо берегли это рѣдкое сокровище, и не только не берегли, но прямо злоупотребили его пламенною ревностію къ труду, его готов-

ностію всё́мъ помочь, всегда послужить наукѣ и общему дѣлу. Съ легкимъ сердцемъ слагали мы на него часть своего труда, позабывая, что его силы и время безцѣнно дороги для науки и что легкое отношеніе къ принятому на себя дѣлу для него было невозможностію. Всегда работая не предъ очима точію, а отъ души, якоже Господу, а не яко человѣкомъ (Ефес. VI, 6—7), онъ до послѣднихъ основаній изслѣдовалъ и небольшое дѣло, а его пронизательный взоръ и гениальный умъ и въ мелкомъ — для другихъ — вопросѣ открывалъ изумительно широкіе горизонты и постоянно увлекалъ его къ новымъ и новымъ трудамъ. Да, плохо берегли мы красу и гордость нашей Академіи, щадили и себя и другихъ и только его силы считали какъ бы неистощимыми, полагали, что бодрый духъ безъ коѣца будетъ укрѣплять его. Но плоть немощная, и ея немощь обратила теперъ тихое предначатіе свѣтлаго праздника въ день горькаго прощанія съ невозвратимымъ прошлымъ, тяжелаго недоумѣнія предъ мракомъ будущаго.

Но для вѣрующаго чувства нѣтъ въ мірѣ слѣпота случая и механическаго только сдѣленія причинъ и слѣдствій. То, что на первый взглядъ представляется только случайнымъ совпаденіемъ явленій разныхъ совершенно порядковъ, совершается не внѣ путей Промысла и не напрасно и сегодня браннымъ останкамъ Василія Васильевича предлежитъ изображеніе гроба Самого Богочеловѣка. Неизмѣримо — конечно — разстояніе между безконечнымъ Богомъ и конечнымъ человѣкомъ, и солгася древле Адамъ, Богъ возжелѣвъ быти. Но въ недомыслимой тайнѣ воплощенія Сына Божія человѣкъ бываетъ Богъ, да Бога Адама содѣлаетъ (Стих. на хвалитѣхъ Благовѣщенія). Сынъ Божій единосущный пріискреннѣ приобщися плоти и крови (Евр. II, 14), а человѣкъ, искупленный Имъ, воспринимаетъ всновленіе и, приобщившись Духа Сына Божія, взываетъ Безконечному: Авва Отче, изъ раба становится сыномъ Божиимъ по благодати (Галат.

IV, 5—7). Два гроба, внешнею близостию соединенные сегодня видимо, не чужды одинъ другому и внутренне. Въ обохъ почиваетъ Единородный Сынъ Божій, въ одномъ—гробѣ смерти—являя преимущественно субботаствоваіе плотію, смотрѣніемъ еже на смерть, а въ другомъ—источникѣ нетлѣнія—оживляя наши надежды на блаженное воскресеніе. Древле, въ Ветхомъ Завѣтѣ, говоритъ апостоль, многочастнѣ и многообразнѣ глагола Богъ отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днй сихъ — апостольскихъ — глагола намъ въ Сыпѣ, Егоже положи наслѣдника всѣмъ, Имже и вѣки сотвори (Евр. I, 1—2). И не прекратился этотъ глаголь Божій съ окончаніемъ видимаго пребыванія на землѣ Сына Божія. Напротивъ, только Исусъ Христомъ и бысть благодать и истина (Іоан. I, 17). Та благодать, которая изливалась древле на немногихъ отдѣльныхъ лицъ въ народѣ израильскомъ, теперь стала общимъ достояніемъ членовъ Церкви Христовой. Христось, спедый въ дольнѣйшыя страны земли и восшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнить всяческая, даетъ благодать единому комуждо насъ по мѣрѣ Своего дарованія и поставляетъ въ созиданіе тѣла Своего—Церкви, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, не только апостоловъ, пророковъ, благовѣстниковъ, пастырей, но и учителей (Ефес. IV, 7—12). Единымъ изъ сихъ учителей, продолжателей дѣла Христова на землѣ, учителемъ великимъ, пріявшимъ прівобильную благодать отъ Христа Бога, и былъ, уповаемъ, спогребавшійся нынѣ Христу Василій Васильевичъ. А если такъ, то и краткая, по человѣческому сужденію, жизнь его и безвременная кончина получаютъ иное, блаженное для него, утѣшительное и для насъ, объясненіе. Спогребшись Христу, на зарѣ своей жизни, христіанскимъ крещеніемъ въ смерть, всѣ дни свои, насколько вѣдаемъ, ходилъ онъ во обновленіи жизни, помышляя себе мертва быти грѣху,

жива же Богови о Христѣ Иисусѣ (Римл. VI, 4.11). Непрестаннымъ подвигомъ самоотверженнаго служенія истинѣ, неустаннаго познаванія Премудрости Божіей въ земныхъ судьбахъ Ея Церкви, по вся дни распиналъ онъ ветхаго своего человѣка, да упразднить тѣло грѣховное (Римл. VI, 6). Свои отношенія къ ближнимъ онъ неуклонно устроилъ по завѣту крестonosной любви, по подобію Христа, пришедшаго въ міръ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ (Мѡ. XX, 28). Такъ живя, онъ и вмалѣ исполнилъ лѣта долга (Прем. IV, 13), быстро достигъ въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, возросъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. IV, 13), когда дальнѣйшее его пребываніе во плоти нужнѣйше есть только уже для другихъ (Филип. I, 24), для самого же его, превзошедшаго уже земную ступень разумѣнія отъ части и видѣнія якоже зеркаломъ въ гаданіи (1 Кор. XIII, 12), уповаемъ, разрѣшиться и со Христомъ быти много паче лучши (Филип. I, 23). И какъ бы въ видимый знакъ достиженія имъ этого единенія со Христомъ онъ и умираетъ въ день преданія Сына Божія на смерть, предваряетъ свое обычное время таинственнаго приобщенія лишь настолько, чтобы въ день Тайной Вечери истѣе уже приобщаться Христу; во время его безмолвнаго уже пребыванія среди насъ надгробныя пѣснопѣнія Побѣдителю смерти вытѣсняють собою молитвы о новопредставленномъ, первый — по церковному установленію — день поминовенія совпадаетъ съ днемъ принесенія самой Голгоеской жертвы и землѣ предается почившій въ тотъ день, когда Христосъ вся исполняетъ, пребывая и во гробѣ, и во адѣ, и въ раи, и на престолѣ (троп. на часахъ св. Пасхи).

Въ твердомъ упованіи на милосердіе Искупителя, днесъ разрушающаго державу ада и смерти, соутѣшимся,

братіе, этою мыслию, что для самого спогребавшагося Христу настоящій день нашего прощанія съ нимъ есть дѣйствительно день упокоенія отъ всѣхъ дѣлъ земной храмины, не смогшей далѣе служить запросамъ его духа, въ храминѣ нерукотворенной вѣчной на небесахъ (2 Кор. V, 1),—есть суббота воистину благословенная, надъ которою горитъ лучезарная заря уже не земной предназначительной только пасхи, а самого Солнца правды, Христа, сіяющаго непреступнымъ еще для насъ бранныхъ свѣтомъ воскресенія. Простимся, поэтому, съ Васи́ліемъ Васи́льевичемъ не обычнымъ унылымъ «прости навсегда», а его собственнымъ бодрымъ прощальнымъ привѣтомъ «до свиданія», съ теплою молитвою предъ гробомъ Жизнодавца, да Самъ Онъ, всеблагій, приведетъ всѣхъ насъ въ свою чреду на это свиданіе въ невечернѣмъ дни царствія Своего (канонъ пасхи, пѣснь 9), молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка и доднесъ Ему благоугодившихъ. Аминь.

Проф. Т. Налимовъ.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная надъ гробомъ предъ отпѣваніемъ профессора В. В. Болотова.

*Блаженъ человекъ, иже обратитъ
в премудрость. Притч. III, 18*

Находить обыкновенно тотъ, кто ищетъ: «ищите и обрящете», сказалъ Самъ Спаситель (Мѡ. VII, 7).

Вся жизнь почившаго посвящена была исканію премудрости; и, нашедши ее, онъ отдался ей всею душою, посвятилъ ей всѣ дни и часы своей жизни; онъ любилъ ее, и на его любовь она отвѣтила любовью же по слову Евангелія: «и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ» (Іо. XIV, 23).

Подлинно, мы всѣ смотрѣли на почившаго, какъ на изумительное вмѣстилище премудрости и вѣдѣнія. Въ какой только богословской области онъ не обращался съ полнымъ знаніемъ дѣла? Въ какой наукѣ не былъ специалистомъ, освѣдомленнымъ изъ лучшихъ первоисточниковъ? Одаренный всѣми пятью талантами, онъ прибрѣлъ на нихъ другіе пять, — прибрѣлъ, но не заключилъ ихъ только для себя въ сокровищницѣ знаній, а дѣлился со всѣми, любящими науку.

Что-то необычайно величественное было въ томъ зрѣлищѣ, когда почившій профессоръ на диспутахъ ли, или въ ученыхъ трактатахъ, или же въ простыхъ бесѣдахъ выступалъ во всеоружіи своихъ поразительныхъ знаній. Онъ говорилъ увлекаясь и вдохновенно, и всѣ

съ удовольствіемъ слушали его. Поистинѣ можно выразиться отъ лица почившаго словами праведнаго Іова: «внимали мнѣ и ожидали, и безмолвствовали при совѣтѣ моемъ» (Іов. XXIX, 21), и даже «князья удерживались отъ рѣчи и персты полагали на уста свои» (—ст. 9)...

Иному знаніе дается только путемъ упорнаго труда и немалого терпѣнія. Но лежащій въ этомъ гробѣ все зналъ, не переѣзжая моря и рѣки, сидя въ своей рабочей келліи. Само знаніе какъ бы приходило къ нему не въ видѣ вымученной добычи, но какъ давно желанный радостный гость. «Я была при немъ» — говоритъ Премудрый о Премудрости, «художницею и радостью» (Притч. VIII, 30). Какъ солнечный лучъ блеститъ разноцвѣтными огнями, проходя сквозь многогранную призму, или какъ нѣжная свирѣль въ искусныхъ рукахъ музыканта издаетъ различныя мелодіи, такъ и блестящая ученость почившаго переливалась всѣми цвѣтами радуги и возвѣщала божественную истину въ многообразныхъ, ей соотвѣтствующихъ, формахъ.

Какъ трудно бываетъ большинству людей не поддаться въ такомъ случаѣ самообольщенію! Какъ трудно не возмечтать о себѣ, какъ о необыкновенномъ смертномъ, и не отнестись свысока къ другимъ!

Не такова была, однако, чистая душа покойнаго. Сами собою воспоминаются при этомъ трогательныя слова псалма, такъ идущія къ лицу Василія Васильевича. «Господи! не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои. Душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди» (Пс. CXXX, 1. 2).

Греческій историкъ Ксенофонтъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» съ величайшей похвалою отзывается о языческомъ праведникѣ — философѣ Сократѣ за то, что никто и никогда не слышалъ изъ устъ его нечестивыхъ рѣчей и не видѣлъ, чтобы онъ творилъ злое.

Достопочтенные слушатели! Со временъ Сократа христіанство дало міру цѣлый сонмъ еще болѣе достослав-

ныхъ «философовъ» — не въ узкомъ и въ специально-техническомъ значеніи этого слова, но въ другомъ, широкоемъ смыслѣ, какъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, которые во что «увѣровали, тѣмъ же и возглаголали» (Пс. СХV, 1). Таковъ былъ и почившій. Онъ представлялъ собою изумительно цѣльную натуру, былъ какъ бы изсѣченъ изъ цѣлой скалы или отлитъ изъ одного металла. Онъ не двоился и не троился и не служилъ «Богу чуждому», а вѣрой и правдой кланялся единому Солнцу Правды. Да, въ этомъ гробѣ почіетъ истинно-христіанскій философъ, наша краса и наша слава. Подражая приведенному мною историкъ, я радостно свидѣтельствую о почившемъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно высокоемъ не въ одномъ научномъ, но и въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Но у меня есть одно и притомъ очень счастливое преимущество предъ Сократовымъ біографомъ, — указаніе на то особенно, что нашъ приснопамятный собратъ страдалъ именно въ эти страдальческіе, страстные дни и почилъ почти одновременно съ Распятымъ Искупителемъ. Не можетъ быть, чтобы «Располагающій все мѣрою и числомъ и вѣсомъ» случайно допустилъ возлечь во гробѣ рядомъ съ Собою Своему избраннику. Почившій всю жизнь положилъ на служеніе Словоу и былъ вѣренъ Ему до смерти. И вотъ теперь исполняется надъ нимъ блаженное обѣтованіе Слова: «буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота» (Апок. II, 10).

Вѣнчайся же, возлюбленный наставникъ и сослужитель, этимъ драгоцѣннѣйшимъ вѣнцомъ въ ликѣ избранниковъ Божіихъ, а намъ пошли хоть часть твоей милоти, да горить въ родной тебѣ Академіи свѣточъ вѣры и знанія кроткимъ и умиротворяющимъ и просвѣщающимъ пламенемъ на долгіе и счастливые годы!

Проф. священникъ Е. Аквилонъ.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная профессорскимъ стипендіатомъ А. В. Кар-
ташовымъ послѣ пѣнія непорочныхъ.

Давно ли, давно ли, высокочтимый и дорогой учи-
тель, гладь житейскаго моря ровно ширилась передъ
твоими взорами, даль ясна была и звала тебя впередъ:
жить, учиться и учить; а мы, твои восторженные уче-
ники, лелѣяли свѣтлыя надежды еще много,—много
лѣтъ приобщаться отъ изумительнаго богатства сокро-
вищницы твоего ума и эрудиціи! Но зловѣщая коалиція
физическихъ немощей какъ черная туча уже давно
собралась за горизонтомъ. Бѣшенымъ порывомъ при-
неслась она оттуда. Нежданно—негаданно раздался
грозный ударъ, и—

„Угасъ великій человекъ!“

Да, онъ подлинно великъ былъ, друзья мои, дѣти
общей матеря—Академіи,—великъ, какъ человекъ
геніальныхъ талантовъ ума и воли, великъ какъ про-
фессоръ, какъ ученый, какъ дѣятель церкви русской.

Его слава — это прежде всего его замѣчательныя
ученыя творенія, не многотомныя, правда. Но всѣ
знаютъ, что это проистекало изъ его твердаго убѣжде-
нія, что „изреченіе Каллимаха μέγα βιβλίον, μέγα καὶὸν
справедливо какъ немногія“¹⁾. Поэтому онъ былъ идеаль-
нымъ скупцомъ на печатное слово, и въ его про-
изведеніяхъ въ немногомъ дѣйствительно заключено
многое. Онъ сознательно работалъ для міровой науки,
отказываясь отъ многословной популяризаціи для широ-
кой публики, и потому не созидаль на чужомъ осно-
ваніи, трудился лишь на невоздѣланыхъ мѣстахъ,
осторожными, но вѣрными шагами приближаясь къ
разъясненію историческихъ истинъ. Въ своихъ малень-
кихъ libell'ахъ съ овойственной ему силою необычай-
наго критическаго дара и огромной, всесторонней эру-
диціи, онъ былъ истиннымъ художникомъ науки: изъ
ничтожныхъ и разнообразныхъ по качеству обломковъ
сѣдой древности онъ умѣлъ строить цѣльную мозаику,

¹⁾ „Хр. Чт.“ 1896 г., вып. IV, с. 178.

въ которой положительныя научныя открытія такъ тѣсно переплетались съ чудными перлами его всегдашняго краснорѣчія. Въ этихъ научныхъ постройкахъ всѣ мельчайшія детали въ интересахъ обыкновенно важнаго цѣлаго взвѣшивались и провѣрялись съ удивительнымъ тщаніемъ, какъ бы выковывались изъ прочнаго металла, создавая автору подлинно momentum aere perennius. Трудясь въ наукѣ, по его любимому выраженію, „для немногихъ“, онъ среди этихъ немногихъ своими совѣтами и разъясненіями болѣе, чѣмъ кто-либо, былъ полезенъ многимъ, и его безвременную кончину искренно оплачутъ отечественные византологи и ориенталисты.

Да, это былъ безукоризненный лавреатъ богословской науки, оплетшій себя неуваждаемый вѣнокъ ученой славы! И какою безкорыстною, благородною радостью билось сердца учениковъ его при видѣ этой славы, съ какою гордостью могли мы говорить: „такова имамы“ учителя!.. Онъ былъ для насъ живою, воплощенною наукой. Всѣ великіе таланты своей души и силы тѣла онъ посвятилъ на служеніе ей, не оставивъ для себя лично ровно ничего. Не даромъ же и сталъ для насъ онъ въ этомъ храмѣ науки кумиромъ, въ самомъ безупречномъ смыслѣ этого слова, какъ человѣкъ духа, на безоблачномъ челѣ котораго ярко сіяла звѣзда знанія—печать Всевѣдущаго Первообраза. Глядя на него, невольно вѣрилось въ силу науки, въ ея прекрасную, облагораживающую силу, невольно хотѣлось трудиться, невольно думалось: вотъ—добрый, безупречный рабъ на своемъ высокомъ призваніи, вотъ—душа нашей Академіи, одна изъ тѣхъ опоръ, на которыхъ держится жизнь всякихъ человѣческихъ учрежденій! Но не примѣромъ только своей удивительной личности онъ „плѣнялъ умы наши въ послушаніе“ науки, а и своимъ мощнымъ, необычайнымъ ораторскимъ талантомъ. Въ произведеніяхъ его, въ рецензіяхъ и лекціяхъ, повсюду и всегда живая рѣчь его лилась свободно, какъ рѣка, и дивно было сочетанье въ ней тяжеловѣснаго ума съ игривой красотой остроумія, своеобразно-величаваго, ничуть не нарушавшаго ученой важности предмета. При этомъ чудномъ дарѣ былая жизнь въ его преподаваніи вставала передъ нами въ цѣломъ рядѣ полныхъ смысла и живыхъ картинъ, и слово его потому выслушивалось зачастую

прямо съ затаеннымъ дыханіемъ, какъ будто арія любимого пѣвца. Но увы! Все это только было и миновало безвозвратно! Нашъ алатусть на вѣки смолкъ.

О странное, разрушительное таинство смерти! Ты ли, столпъ нашъ—повергся?! Ты ли, алмазъ научнаго труда и терпѣнія,—во прахъ рассыпаешься?! Ты ли, чародѣй, умѣвший влагать душу живу въ мертвые фрагменты памятниковъ древности,—самъ лежишь бездыханнымъ?! Да, все это — такъ. Тебя межъ нами нѣтъ. Ты тамъ, гдѣ „ни печаль, ни воздыханіе“... А мы, земные, тяжело страдаемъ, терпя эту неодолимую утрату, это горькое злоключеніе!

Въ чемъ же найдемъ хотя малое утѣшеніе?—Утѣшаемся вѣра, что

„... весь ты не умрешь:

„Душа въ твоихъ твореньяхъ

„Твой прахъ переживетъ

„И тлѣнья убѣжитъ“;

а имя твое мы передадимъ въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Утѣшаемся, видя, что

„Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ“,

„Ужь... „лучъ безсмертія горитъ!“

А крѣпче всего утѣшаемся величайшею христіанскою надеждою, что, буквально спогребаясь Христу въ настоящій великій день Его священнаго покоя, ты вмѣстѣ съ Нимъ и воскресашь въ небесахъ!

РѢЧЬ,

сказанная студентомъ IV курса Василиемъ Успенскимъ предъ пѣніемъ «Со святыми упокой».

Дорогой и незабвенный учитель нашъ
Василій Васильевичъ!

Вчера мы видѣли смерть Господа и Его погребеніе. Сегодня, присутствуя при таинствѣ твоей смерти, совершаемъ твое погребеніе. Одно приводитъ насъ въ изумленіе предъ величіемъ любви Божіей, возбуждаетъ благоговѣйный трепетъ: твоя смерть наполняетъ наше сердце глубокою скорбью. Для тебя самого смерть не была

страшна. Ты еще при жизни своей зналъ и говорилъ, что „твои дни сочтены“. Да и могло ли быть мѣсто страху? Твоя жизнь была чиста, какъ кристаллъ, она была сплошнымъ, неустаннымъ служеніемъ идеѣ—знать истину: наука и Академія были для тебя всё, онѣ наполнили всю твою жизнь, имъ ты отдалъ свои великія силы и дарованія, къ нимъ ты рвался душой даже на одрѣ смерти, въ свои предсмертныя минуты. Предъ этимъ могучимъ отреченіемъ къ истинѣ, по твоему сознанію, незабвенный наставникъ, все должно было преклониться; даже потребности первой необходимости представлялись тебѣ чѣмъ-то второстепеннымъ и мало-значущимъ, надъ чѣмъ духъ человѣческой можетъ и долженъ восторжествовать. И ты достигъ великой духовной мощи. Ты былъ героемъ духа. Напряженности жизни духовной долго не могли сломить самая тяжелая болѣзнь, самыя тяжкія страданія, которыя давно побороли бы твой хилый организмъ, одолѣли бы слабое здорье, если бы святой огонь стремленія къ истинѣ не пылалъ въ тебѣ такимъ яркимъ пламенемъ. Въ насъ, по крайней мѣрѣ во многихъ изъ насъ, твоя духовная мощь возбуждаетъ благоговѣйную память, особенно дорожатъ, что она была неотъемлемымъ свойствомъ человѣка, горячо вѣрующаго въ истинность христіанской религіи, глубоко и сознательно убѣжденнаго члена Церкви. Въ своихъ лекціяхъ сообщая свѣдѣнія о христіанской религіи въ ея земномъ бытіи и историческомъ развитіи, выясняя существованіе религіозно-церковнаго сознанія и его великую значимость для христіанина, ты въ своей жизни, насколько хватало твоихъ силъ, повиновался этому голосу религіозно-церковнаго сознанія, стремился до мельчайшихъ подробностей выполнить его требованія. Неразлучнымъ спутникомъ такого геройства духа, какое мы видимъ въ тебѣ, дорогой наставникъ, можетъ быть только высокая духовная радость; при немъ страхъ смерти не можетъ смущать сердце человѣка, оно воодушевлено самыми свѣтлыми надеждами, которыя не могутъ покинуть его и въ моментъ смерти. Дѣйствительно, Господь далъ тебѣ, дорогой учитель, кончину мирную и тихую, о дарованіи которой Церковь молится ежедневно; очевидно радость твоя была незыблема и высока, если даже до нѣсколькихъ часовъ до смерти ты могъ сказать знаменательныя для христіанина слова: „какъ прекрасны предсмертныя минуты“. Подлинно и мы,

видя предъ собою гробъ Господень, памятуя о твоей высокой жизни, даже надъ гробомъ твоимъ, дорогой профессоръ, можемъ воскликнуть вмѣстѣ съ апостоломъ: „попрана смерть побѣдою. Смерть, гдѣ твое жало“?... (1 Кор. XV, 54—5).

Но эти надежды, которыя невольно зарождаются въ каждомъ изъ насъ при видѣ гроба Господа Спасителя и твоего гроба, дорогой учитель, не могутъ насъ исцѣлить отъ глубокой скорби. Смерть такъ безжалостно вырвала тебя изъ семьи любящихъ и уважающихъ тебя профессоровъ и студентовъ. Между тѣмъ сколько свѣта, сколько добра ты могъ бы внести въ нашу жизнь, какъ могъ бы ты скрасить ее, если бы ты по-прежнему былъ среди насъ, на землѣ! Не мнѣ, конечно, одѣлывать утрату, которую понесла наука въ твоемъ лицѣ: это сдѣлаютъ ученые Россіи и заграницы; точно также мои сужденія о высокомъ научномъ значеніи твоихъ лекцій были бы мало-компетентнымъ личнымъ моимъ мнѣніемъ. Но я могу сказать на основаніи личнаго опыта и рассказовъ другихъ о томъ великомъ значеніи, какое имѣло твое руководство, дорогой наставникъ, для человѣка, вступающаго только въ преддверіе науки. Положеніе юнаго работника очень тяжелое. Ему невѣдомы существующіе при наличномъ состояніи научныхъ данныхъ вопросы, изъ сильныхъ отвѣтовъ на которые и слагается наука въ извѣстный историческій моментъ ея существованія, еще болѣе незнакомъ онъ съ матеріалами, которые нужно привлечь къ рѣшенію этихъ вопросовъ; наконецъ, ему совершенно неизвѣстны тѣ перспективы, въ которыхъ должны получить свое освѣщеніе отдѣльные научные вопросы. Все это можетъ быть восполнено только опытомъ профессора, его нажитой годами эрудиціей: безъ нихъ приступающій къ наукѣ иногда осужденъ на блужданіе въ лабиринтѣ; часто въ такомъ случаѣ убивается масса времени, тяжкихъ усилій мысли на рѣшеніе такихъ вопросовъ, отвѣты на которые уже вошли въ сокровищницу человѣческаго знанія въ качествѣ его составныхъ элементовъ и неизбѣмы въ своемъ авторитетѣ. Твое руководство, дорогой наставникъ, если только къ нему прибѣгали, было незамѣнимо. Твои вдохновенныя рѣчи, полныя экспрессіи, рѣчи, основанныя на самомъ тщательномъ изученіи подлежащихъ данныхъ, были яркимъ лучемъ, прорѣзающимъ густой мракъ. Легко намѣчалась и серія вопросовъ,

обрисовывались и темныя очертанія ихъ рѣшеній, видны были ихъ связь и взаимныя отношенія. Нужно было только все это облечь плотью и кровью, что можно сдѣлать, конечно, лишь приложеніемъ личныхъ усилій, путемъ собственнаго приобрѣтенія начитанности. И замѣчательно, рѣчи покойнаго профессора, именно, только освѣщали положеніе дѣла: его личныя воззрѣнія оставались для молодого работника тайной, которую онъ узнавалъ только во время коллоквиума или изъ отзыва о своемъ трудѣ, уже отданномъ на судъ критики. Личная свобода и независимость въ изслѣдованіи не были, поэтому, стѣснены ничѣмъ. Но не только тѣ, кто работалъ подъ твоимъ, дорогой профессоръ, просвѣщеннымъ руководствомъ, испытали на себѣ благотворныя послѣдствія научнаго общенія съ тобой. Всѣ, кто только имѣлъ случай обращаться къ тебѣ съ вопросомъ, кто приступалъ съ дѣйствительно серьезнымъ и искреннимъ интересомъ, находили въ тебѣ горячо сочувственный откликъ и уходили не только вполне удовлетворенными, но и поощренными твоимъ вниманіемъ и деликатной снисходительностью къ неизбѣжнымъ на первыхъ шагахъ научной работы промахамъ.

Я отмѣтилъ великое значеніе твоего, незабвенный профессоръ, руководительства въ сферѣ научной. Столь же глубокую скорбь возбуждаетъ въ насъ утрата въ твоемъ лицѣ великаго общественнаго дѣятеля земли русской. Да, ты былъ имъ, хотя съ твоимъ именемъ и не связывается представленіе о какой-нибудь реформѣ, имѣющей отношеніе къ жизни всего русскаго общества. Въ наше время, когда такъ чуждаются жизни внутренне-духовной, когда жизненные идеалы такъ принижены, и люди охотно мирятся на внѣшнихъ преимуществахъ—силѣ, богатствѣ, знатности и пр.; когда все болѣе и болѣе распространяется теорія, открыто провозглашающая такой строй жизни вполне нормальнымъ и единственно возможнымъ: тогда такіе герои духа, какъ ты, дорогой учитель, имѣютъ особенно великое значеніе. Они — свѣточки въ окружающемъ общественномъ мракѣ: тѣмъ, кто не сочувствуетъ тому теченію, кто знаетъ, что не здѣсь истина, такіе люди могутъ оказать поддержку, могутъ служить опорой. Самымъ своимъ существованіемъ они убѣдительно въ всякихъ рѣчахъ говорятъ, что жизнь, отданная на служеніе идеѣ, ради нея оставившая и забывшая все на свѣтѣ, возможна на землѣ, они воздѣй-

ствують на самое сердце, служа живымъ укоромъ для всѣхъ, живущихъ иначе, они будятъ общественную совесть. И конечно духовно-нравственное влияние такихъ героевъ духа не кончается съ ихъ смертью; нѣтъ, ихъ считаютъ бессмертными даже тѣ, кто въ личномъ бессмертіи видятъ химеру: это бессмертіе въ исторіи, въ памяти людей. И мы горячо желаемъ, чтобы память о тебѣ, твой высокій обликъ всегда были живы не только среди твоихъ питомцевъ, лично знавшихъ тебя и благоговѣвшихъ предъ тобой, но и въ сердцѣ всѣхъ будущихъ студентовъ духовной Академіи: для насъ и для нихъ это будетъ великимъ приобретениемъ, когда придется выступить въ общественной жизни.

Я бы могъ и еще со многихъ сторонъ освѣтить ту великую утрату, которую мы понесли въ твоемъ лицѣ, дорогой наставникъ, о которой мы такъ глубоко скорбимъ. Но всего не охватишь. Твои заслуги оцѣнить самъ Богъ, согласно слову Господа Спасителя: „кто сотворить и научить, тотъ великимъ наречется въ царствіи Божиемъ“. А мы можемъ отплатить тебѣ за все доброе, что мы отъ тебя видѣли, только непрестанно живою и благодарной памятью о тебѣ и горячей любовью къ тебѣ.

Прими, дорогой и незабвенный наставникъ, горячую благодарность отъ твоихъ питомцевъ, всегда благоговѣвшихъ предъ тобой; прости насъ, если мы когда-и оскорбляли тебя! Прости.

Р ъ ч ъ,

произнесенная надъ гробомъ послѣ пѣнія «Со святыми упокой».

Болотовъ умеръ!! Можно много и убѣдительно говорить объ увядшей красѣ Академіи, о померкшей звѣздѣ въ наукѣ, но я не берусь сплетать на его голову вѣнокъ изъ этихъ похвалъ.

Дорогой профессоръ! позволь мнѣ чистосердечно высказать завѣтъ, которымъ ты былъ одушевленъ и которому былъ вѣренъ до послѣднихъ часовъ твоей кратковременной жизни. Сознаю, что слово мое слабо, но оно

будетъ словомъ признательнаго ученика, которому было суждено стоять близко къ тебѣ.

Ты, природный сынъ нашей бѣдной среды, носилъ въ своемъ сердцѣ искру Божію, которая дается только самому безкорыстному искателю истины. Какъ въ природѣ, въ самый ясный полдень, подъ лучами стоящаго на небѣ солнца, перемѣшиваются между собою свѣтъ и тѣнь, такъ истина и ложь перемѣшаны въ дѣлахъ человѣческихъ и заключеніяхъ ума. Твоею областію изслѣдованія были дѣла человѣческія, и между ними—церковныя. Такъ какъ ты любилъ истину самымъ дѣломъ, хотѣлъ ее какъ бы видѣть своими глазами и, если можно, ощупать руками, то работа твоя была страшно тяжелая. Изслѣдователь природы и—самыхъ отвлеченныхъ предметовъ остаются въ лучшемъ положеніи, чѣмъ былъ ты. Твоя область—измѣнчивая: она способна обмануть самый зоркій глазъ и утомить самый сильный умъ. Но за то тебѣ были знакомы дни и часы, которые пролетаютъ, какъ минуты и секунды, когда ты испытывалъ непопятное намъ чувство самоудовлетворенія, когда умъ просилъ еще новой пищи, и уступалъ лишь неуспѣвающей угнаться за нимъ тѣлесной природѣ. Ты разъ сказалъ: «вотъ ничтожна горсть песчинокъ, но сосчитайте вы ихъ; и результатъ уже имѣетъ цѣну». Дорогой наставникъ! я всегда это понималъ такъ, что всякое изслѣдованіе нужно начинать собственнымъ незнаніемъ, и знаніе его нужно выстрадать. Только тогда—опять говорю твоими словами—одинъ вопросъ разрастается въ тысячу и одинъ; и счастливъ тотъ, кто, преодолевъ всѣ извивы перемѣшанныхъ истины и лжи, достигнетъ хотя бы отрицательнаго результата. Его умъ тогда удовлетворенъ, потому что онъ не предлагаетъ ему еще новыхъ запросовъ. Но конца нѣтъ блаженству ума, если мученикъ-изслѣдователь достигаетъ положительнаго вывода. Тогда онъ съ радостію спѣшитъ подѣлиться своею находкою, и не въ состояніи перевести ее ни на какую видимую цѣнность.

Дорогой профессоръ! Ты былъ мученикомъ своего

пытливаго ума. Твою дорогу облегчало твое одиночество, но это было не все. Наша бѣдная среда съ ея школою не дала тебѣ многоаго, что тебѣ было необходимо. Этихъ средствъ ты наконецъ достигъ, но теперь тебя не стало.

Прощай, дорогой профессоръ, такъ честно усугубившій свои пять талантовъ!..

Доцентъ св. священникъ М. Орловъ.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная студентомъ II к. Алексѣемъ Лавровымъ
предъ чтеніемъ Апостола.

Незабвенный наставникъ!

Взоры многихъ, приходящихъ поклониться твоему праху, невольно останавливаются и, вѣроятно, не разъ еще будутъ останавливаться на надписи, которая украшаетъ одинъ изъ возложенныхъ на гробъ твой вѣнковъ. Надпись сама по себѣ кратка и проста, она гласитъ только: *semper attendebas ubi veritas albescit* (т. е. ты всегда стремился туда, гдѣ мерцаетъ истина), но въ то же время многозначительна по содержанію и достаточно исключительна по своему приложенію. Она многозначительна, такъ какъ воплощаетъ въ себѣ полноту жизненнаго смысла, и исключительна, такъ какъ слишкомъ строга въ требованіяхъ къ тѣмъ, память и дѣло которыхъ хотятъ одѣнить ею. Несомнѣнно, что мысль почтившихъ тебя этою отвѣтственною надписью не безъ нѣкоторой смѣлости и вмѣстѣ чуткой увѣренности остановилась именно на ней. Въ самомъ дѣлѣ, рожденіе и смерть, смерть и рожденіе — эти факты непрерывнымъ рядомъ проходятъ передъ нашимъ сознаніемъ, оставляя только по серединѣ между собою какъ бы полосу жизни и дѣятельности, и насколько одинаковы для всѣхъ образы входа и исхода изъ этой жизни, настолько же неодинаковы образы самой жизни. Начало и основаніе, видимо, для всѣхъ одни и тѣ же, конецъ и результатъ также несомнѣнно должны быть одними и тѣми же; а между тѣмъ какое недоумѣнное разнообразіе, подчасъ полную противоположность представляютъ собою самые пути,

по которымъ люди свершаютъ свою земную миссію! Цѣль одна, но непоятно это многообразіе путей, слѣпо или сознательно избираемыхъ при прохожденіи жизненнаго поприща... Древность въ подобномъ нѣсколько случаевъ съ гордостью провозглашала, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, была права, забывая только, что при всей формальной справедливости ея сужденія желающій могъ и не достигнуть „вѣчнаго“ города, при отсутствіи соответствующихъ указаній и обезпеченной продолжительности жизни. Мы въ примѣненіи къ загробному бытію, какъ чаемой столицѣ—небесному Иерусалиму, тѣмъ болѣе не можемъ равнодушно удовлетвориться подобнымъ формальнымъ соображеніемъ. Жизнь подчасъ да и вообще слишкомъ кратка, чтобы терять ея ограниченныя часы на безцѣльное блужданіе по распуціямъ, лелѣя себя сомнительною надеждою когда-нибудь волею случая вступить на настоящую дорогу. Отсюда настоятъ неотложная, постоянная и цѣнная необходимость распознаванія истинныхъ путей отъ ложныхъ, вообще истины отъ лжи; въ противномъ случаѣ мы подвергаемся вѣрной опасности—остаться внѣ дѣйствительнаго и направляющаго земнаго пути.

Съ этой именно стороны о тебѣ, почившій профессоръ, пользуясь посмертными минутами, можно и думается, должно засвидѣтельствовать то, что выключено лишь въ пять словъ надписи и было ясно для всѣхъ и при твоей жизни, — что истина въ ея многообразныхъ проявленіяхъ была для тебя путеводною звѣздою во всей твоей жизни и дѣятельности. Но истина достигается познаніемъ вообще, наукою; наука же достойно воплощалась въ тебѣ. Поставленный при изученіи исторической дѣйствительности лицомъ къ лицу съ возвышеннымъ процессомъ общечеловѣческаго теченія, ты, какъ никто другой, старался и былъ въ состояніи понимать смыслъ этого теченія, по соответствію съ которымъ постигается и опредѣляется смыслъ существованія и отдѣльнаго члена общечеловѣческой семьи. Если справедливо, что каждое настоящее имѣетъ свои корни и объясненіе въ предыдущемъ, прошедшемъ, то не мѣнье справедливо и то, что постигающій прошедшее этимъ самымъ вливаетъ свѣтъ смысла въ настоящее и такимъ образомъ открываетъ мерцаніе истины тамъ, гдѣ для большинства сплошное невѣдѣніе и мракъ. Не-

многіе способны выполнить это надлежащимъ образомъ, и какъ бы сама жизнь предоставляет такую задачу только своимъ избранныкамъ—служителямъ истины, науки. Постигненіе какого-либо отдѣльнаго предмета требуетъ въ человѣкѣ участія всѣхъ чувствъ и совокупности цѣлаго ряда знаній, постиженіе общечеловѣческаго теченія тѣмъ болѣе требуетъ совокупности, а не узко-спеціальныхъ знаній, иначе оно не можетъ быть полно и достаточно справедливо. Не обинуясь можно заявить, что ты былъ для насъ истинно-ученымъ историкомъ и такимъ образомъ, простираясь въ глубь прошедшаго, постигалъ истину и настоящаго; притомъ не оставляя ее при себѣ, а и другихъ дѣлалъ причастниками ея. Въ отдѣльномъ человѣкѣ умъ—это мысленное око—всегда предшествуетъ, идетъ впереди, стараясь въ непонятной тѣмѣ окружающаго уловить мерцаніе свѣта; въ цѣломъ обществѣ—подобнымъ же образомъ сонмъ ученыхъ мужей всегда идетъ впереди, исполняя священную задачу отысканія истины и ведя уже за собою остальныхъ сообщниковъ. На этомъ и покоитея прощальная дань уваженія, которую мы свидѣтельствуемъ тебѣ, незабвенный учитель, при послѣднемъ свиданіи съ твоимъ несовершеннымъ образомъ. Ты шелъ впереди, освѣщая человѣческіе пути въ жизни и исторіи; теперь волею Всевышняго ты отозванъ съ нелегкаго, но славнаго поприща; тебя уже нѣтъ и впредь не будетъ среди насъ; но свѣтъ науки, возженный тобою въ умахъ твоихъ читателей и слушателей, не долженъ, конечно, потухнуть безслѣдно: онъ требуетъ новыхъ работниковъ и избавляетъ ихъ отъ необходимости дѣлать сдѣланное тобою. Зданіе науки создается не отдѣльнымъ, а цѣлокупными усиліями, и положившій большое или малое звено въ общую систему строенія безусловно заслужилъ этимъ благодарную память и призятельно-правдивое уваженіе. Ты несомнѣнно положилъ такое звено, такъ какъ всегда искалъ истины, служа ей самоотверженно; теперь, какъ стоявшій на дѣйствительномъ пути земного странствованія, ты отошелъ туда, гдѣ не мерцаетъ только, но и въ полнотѣ блистаетъ истина, которая есть Богъ. Молимъ, чтобы она явилась для тебя не истинною отвлеченною, но животомъ вѣчнымъ по слову Спасителя: „Азъ есмь путь, истина и животъ“.

Р Ъ Ч Ъ

помощника инспектора тверской духовной семинаріи
М. В. Рубцова послѣ чтенія Евангелія.

Любезный другъ, дорогой товарищъ школьныхъ дней!

Вѣсть о твоей безвременной кончинѣ, во цвѣтѣ дѣтъ, въ пору наивысшаго развитія твоихъ научныхъ знаній, какъ громомъ поразила сердца всѣхъ любившихъ и знавшихъ тебя твоихъ товарищей и земляковъ. Твое имя на твоей родинѣ воспоминалось и произносилось съ благоговѣніемъ, какъ имя человека, всецѣло посвятившаго себя наукѣ и глубоко проникшаго въ ея святилище; твои прекрасныя, оригинальныя и научныя статьи, которыми украшались книжки „Христіанскаго Чтенія“, читались у насъ съ восхищеніемъ и мы надѣялись, что ты еще долго и долго будешь нашею радостію, нашею гордостію, краскою и честью воспитавшей тебя тверской семинаріи, и вдругъ—вѣсть, что тебя не стало!... Ужасъ объялъ наши сердца! Мы не находили словъ, чтобы выразить наше горе....

Какъ твой товарищъ, я счесть своимъ священнымъ долгомъ немедленно явиться къ твоему гробу, чтобы сказать тебѣ отъ себя и отъ всѣхъ знавшихъ и любившихъ тебя твоихъ земляковъ и товарищей послѣднее „прости“.

Можно бы было многое вспомнить изъ нашей совместной школьной жизни, свидѣтельствующее о тебѣ, какъ о благороднѣйшемъ человекѣ, прекрасномъ товарищѣ, но мнѣ въ настоящее время недостаетъ на это ни времени, ни духу, ни силъ. Укажу только на одинъ-два характерныхъ факта: ты еще въ средней школѣ поражалъ всѣхъ не обыкновенною обширностію своихъ познаній.... Не было вопроса, не было задачи, не было такого труднаго перевода съ языковъ, которыхъ бы ты съ непостижимою для насъ легкостію не объяснилъ, не разрѣшилъ и не растолковалъ намъ, часто нуждавшимся въ твоей помощи. Ты былъ не первый между нами, но выше перваго. Ты еще въ средней школѣ прекрасно зналъ не только древніе языки, но и новыя, и даже еврейскій. Какъ сейчасъ помню: въ философскомъ классѣ (тверская семинаріа еще не была въ то время преобразована) намъ была дана учителемъ библейской исторіи тема: „Чѣмъ привлекало

евреевъ идолопоклонство“... Всѣ написали, какъ и обычно: и слабо, и хорошо, и очень хорошо,—ты же поразилъ наставника знаніемъ еврейскаго языка, которое ты обнаружилъ въ своемъ сочиненіи, что и было высказано имъ во всеуслышаніе...

Академія, какъ извѣстно, еще болѣе расширила и расцвѣтила твои таланты. Изучая основательно весь обширный кругъ церковно-историческихъ предметовъ, который ты избралъ своею спеціальностію, ты не оставилъ безъ развитія и усовершенствованія той особенной склонности къ изученію восточныхъ языковъ, которая обнаружилась въ тебѣ еще въ средней школѣ. Были многіе любители изъ твоихъ товарищей и земляковъ, которыхъ ты посвящалъ и которымъ объяснялъ тайны восточнаго языковѣдѣнія. И нужно было видѣть, съ какимъ жаромъ и съ какою любовію ты дѣлалъ это!... Въ это время, т. е. когда ты былъ еще студентомъ, твоимъ особеннымъ любимцемъ сдѣлался родственникъ еврейскому — языкъ эеіопскій. Какъ сейчасъ помню: ты въ нѣсколько минутъ написалъ для одного любителя переводъ на эеіопскій языкъ *Oratio Dominica*, снабдивъ его даже примѣчаніями по эеіопской транскрипціи и произношенію, собственноручный подлинникъ котораго до сихъ поръ хранится въ рукахъ этого любителя, какъ драгоценная память о тебѣ....

Такимъ образомъ ты постепенно возросъ до степени огромной, оригинальной и самобытной научной силы; казалось бы, тебѣ долго предстояло быть представителемъ современной русской научной церковно-богословской мысли, но твоя безконечная преданность наукѣ оставляла тебѣ слишкомъ мало времени, чтобы подумать о своемъ здоровьѣ; неумолимая болѣзнь подкосила твои силы и вотъ ты безвременно угаешь....!

Но покоряйся всегда благой волѣ Провидѣнія... Сдѣланное тобою для науки громаднo, и оно никогда не умретъ! Честь и слава, тебѣ—наша гордость, наша радость и наше утѣшеніе!

РѢЧЬ

смотрителя московскаго законоспасскаго духовнаго училища И. Е. Евсева—вслѣдъ за предъидущею.

Дорогой и незабвенный наставникъ!

Какъ громомъ поразило меня извѣстiе о твоей болѣзни, а затѣмъ и безвременной скорой кончинѣ, и я изъ сердца Россiи—Москвы поспѣшилъ сюда сказать тебѣ послѣднее „прости“. Прими же это послѣднее пѣлованiе отъ удаленныхъ отъ тебя пространствомъ, но близкихъ по духу твоихъ учениковъ и благоговѣйныхъ почитателей твоей памяти.

Глубоко скорбитъ по тебѣ въ лицѣ профессоровъ и студентовъ покинутая тобою горячо любимая Академiя. Мы слышали, за что дѣннать и оплакиваетъ тебя осиротѣвшая академическая семья: ты уносишь съ собою въ безвременную могилу великiй благородный духъ безкорыстнаго служенiя наукѣ и правдѣ Христовой; чрезъ этотъ твой духъ одни привыкли провѣрять свою научную и сердечную совѣсть, а другiе — твои питомцы — учились выработать подѣ сѣнiю Академiи истинныя понятiя о томъ, что такое чистая наука, что значить служить ей, что такое непримѣсная правда Христова и ея твердое и неуклонное осуществленiе въ жизни. Академiя привыкла видѣть въ тебѣ истиннаго израильтянина, вѣдущаго законъ и правду, и привыкла почерпать у тебя силы и умѣнье, чтобы неложно служить имъ.

Но и за стѣнами Академiи много сердецъ осиротѣло съ твоей безвременной могилой. И давнiе и не столь давнiе выпускники твоихъ питомцевъ въ благоговѣйномъ воспоминанiи о незабвенномъ Василiѣ Васильевичѣ находили для себя силы для ревностнаго и бодрого выполненiя въ жизни излюбленныхъ тобою академическихъ завѣтовъ — служенiя истинѣ и правдѣ, — въ наукѣ ли то, или въ жизни, кому что дано въ удѣлъ Промысломъ Божиимъ. Эти твои бывшiе питомцы, какъ iудеи разсѣянiя, обращая свой взоръ въ случаяхъ оскуднѣнiя духа къ академическимъ лучшимъ завѣтамъ, всегда какъ къ нѣкому Сiону, твердой опорѣ академическаго Иерусалима, прибѣгали къ памяти о Василiѣ

Васильевичъ, какъ образецъ высокаго, бодрого и неутоми-
маго, необходимаго для жизни, духа.

Мнѣ Богъ судилъ довольно близко стоять къ тебѣ, какъ ученику, хотя и не по избранному тобою предмету, дорогой наставникъ, и вотъ что припоминается мнѣ о твоихъ драгоцѣнныхъ ко мнѣ отношеніяхъ. Сряду по окончаніи академическаго курса, желаніе по мѣрѣ силъ послужить столь любимой тобою наукѣ побудило меня заняться первой ученой работой. Молодая неопытность сталкиваетъ меня съ вопросомъ сухимъ, неяснымъ и неразработаннымъ и поставляетъ на путь тяжелой нерѣшительности. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ вхожу я въ твое скромное обиталище и на твоемъ непритязательномъ диванѣ вся моя работа освѣщается удивительно смѣлою и въ конечныхъ выводахъ многоплодною мыслию, видимая сухость замѣняется сознаниемъ внутренней важности, молодые силы подъ твоимъ увѣреннымъ властнымъ словомъ укрѣпляются—и работа идетъ, доставляя неизъяснимое наслажденіе. Какъ ты радовался, когда оправдывался или получалъ иное опредѣленіе какой-либо изъ попутныхъ научныхъ маяковъ, намѣченныхъ при посредствѣ твоей общей руководящей идеи! Подлинно—по твоему выраженію—эта твоя радость при робкихъ научныхъ успѣхахъ въ устахъ младенцевъ и ссущихъ безконечно превосходила у тебя радость рожденія сына... Твой глубокій, поразительно всесторонній умъ умѣлъ давать направленіе и силу въ научномъ кругѣ, не связанномъ съ твоей научной спеціальностью. Что же нужно думать о томъ вліяніи, что стоять въ предѣлахъ твоего любимаго предмета—церковной исторіи? Теперь не время говорить о вліяніи твоего мощнаго духа на разныя стороны нашей родной научной жизни, но истина часто лучше видна издали, и я—какъ пришлецъ отъ странъ—могу свидѣтельствовать, что на тебя, дорогой наставникъ, взирали какъ на научную совѣсть не одни къ тебѣ близкіе и тобою знаемые служители науки... Отъ твоего духа пытались не одни только работники духовной школы: тебя, мнѣ извѣстно, цѣнили и къ тебѣ прислушывались и представители свѣтскаго научнаго знанія. Какъ огорчился, я знаю, одинъ изъ незнаемыхъ тобою московскихъ видныхъ ученыхъ, когда услышалъ отъ меня о твоей страшной болѣзни: свою ученую работу изъ области письменности древне-христіанскаго Востока онъ только-

что нынѣшнею весною собирался представить на твое вѣское заключеніе. Какъ глубоки и драгоценны были твои попутныя замѣчанія въ научныхъ бесѣдахъ и житейскихъ разсужденіяхъ, понялъ я въ особенности тогда, когда по изволенію Промысла Божія отправился, напутствуемый твоими благожеланіями и настояніями по мѣрѣ силъ служить наукѣ, изъ своей almae matris въ страну далече. Мощный вѣрою въ истину духъ твой подавалъ мнѣ силы въ тѣ минуты, когда житейская и служебная обстановка угнетала меня, подавляла меня до унынія. Чувствуя издали нравственное твое одобреніе, свободныя минуты отъ непосредственнаго учебнаго служенія своего заполнялъ я посылными изысканіями въ той же области, которую раскрывала предо мною твоя твердая и благожелательная рука.

На прощаньи со мною ты просилъ меня, незабвенный учитель, когда явится у тебя надобность, оказать тебѣ содѣйствіе въ дѣлѣ приобрѣтенія копій съ московскихъ греческихъ рукописей церковной исторіи Евсевія, что ты предполагалъ подготовить къ изданію, — и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я твоего порученія! Но не судилъ этого Богъ: бездыханныя уста твои никогда не дадутъ мнѣ возможности чѣмъ-либо отблагодарить тебя за всѣ проявленія ко мнѣ твоего великаго духа. Прими же, дорогой Василій Васильевичъ, вмѣсто благодарности отъ меня и подобныхъ мнѣ, разсѣянныхъ по лицу родной земли, прежнихъ твоихъ учениковъ, моленіе предъ Отцемъ Свѣтовъ о дарованіи тебѣ присвосущнаго свѣта — и прими послѣднее наше земное поклоненіе.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная студентомъ П. н. Анатолиемъ Судановымъ при прощаніи въ церкви.

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, говорилъ ты, дорогой наставникъ, на своей послѣдней лекціи. Кто думалъ, что это будутъ твои послѣднія слова въ аудиторіи? Съ нетерпѣніемъ ждали мы, когда ты еще придешь къ намъ, когда еще насладимся твоею рѣчью, ибо рѣчь твоя всегда была столь сладостна и увлекательна.

Что же? Вотъ ты опять пришелъ, опять — среди насъ, твоихъ учениковъ, въ дорогой тебѣ Академіи,

куда ты даже въ предсмертныя минуты такъ стремился. Но какъ необычно твое пришествіе! Не взоромъ радости встрѣчаетъ тебя Академія. Въ скорбь и печаль повержена она отъ старшаго профессора до младшаго студента, видя тебя бездыханна, безгласна. Молчать твои вѣщія уста, изъ которыхъ, подлинно, „рѣчи сладчайшія меда лилися“. И не вѣрится, не хочется вѣрить, что ты умолишь на вѣки. Думается, хочется думать, что вотъ ты встанешь, и заговоришь, и полетѣтъ рѣчь плавная, ясная, чистая, какъ кристалль, свѣтлая и потому просвѣщающая, по подобію того свѣта Христова, о которомъ ты говорилъ.

Ты носилъ въ себѣ частицу этого великаго свѣта; и „свѣтъ, иже въ тебѣ“, не „тьма“ бысть (Мѡ. VI, 23). Какъ ярко горѣла твоя лампада на нашемъ небосклонѣ! Видитъ Богъ, не по недостатку ея погасла она. Ты вездѣ собиралъ его и обильно запасался имъ. До самой послѣдней минуты духъ былъ бодръ въ тебѣ и горѣлъ яркимъ пламенемъ свѣтлаго ума и чистыхъ стремленій. Благіе дары пріялъ ты въ животѣ твоемъ, и не пошелъ и не вкопалъ данныхъ тебѣ талантовъ въ землю. Съ правомъ могъ бы ты сказать: „благодать Его, яже во мнѣ, не тѣа бысть, но паче всѣхъ... потрудихся“ (1 Кор. XV, 10). Трудился до самаго послѣдняго момента, до крайняго изнеможенія силъ, когда роковая болѣзнь свела тебя, утомленнаго и обезсиленнаго, съ трудовой бородазы.

Тамъ, въ высшихъ планахъ, суждено было прервать твою жизнь и дѣятельность. Тихо и мирно отошелъ ты въ вѣчность.

Что же мы, твои послѣдніе ¹⁾ ученики?.. Перечислять твои заслуги, говорить о твоемъ величій?... — Но это будетъ слабый голосъ о высокомъ и незабвенномъ.— Ученики воспринимаютъ завѣты учителя, продолжаютъ его дѣло... Мы завѣты твои помнимъ. Ты завѣщалъ намъ трудъ, не покладая рукъ, трудъ честный, благородный во имя истины. Ты всегда стремился туда, гдѣ истина сіяетъ, и намъ завѣщалъ этотъ царскій путь. Завѣтъ твой святъ и навсегда памятенъ для насъ.— Но какъ слабые, немощные понесемъ дѣло сильнаго и мощнаго? О, если бы нашлись достойные продолжатели тво-

¹⁾ Рѣчь говорена отъ лица студентовъ LIX курса, прослушавшихъ послѣдній полный двухгодичный курсъ лекцій почившаго профессора.

его дѣла въ твоёмъ духѣ и силѣ и памятью о тебѣ одушевлялись въ своей дѣятельности! Для всѣхъ же насъ, твоихъ недостойныхъ учениковъ, величавый образъ твой до самой гробовой доски останется предметомъ благодарной памяти и удивленія, ибо въ тебѣ мы познали чистоту и высоту человѣка. А благодарная Академія свѣтлыми и неизгладимыми чертами запишетъ твое имя на страницахъ своей исторіи, и ея сыны изъ рода въ родъ съ любовію и отрадою будутъ останавливать свое вниманіе на твоей свѣтлой личности.

Теперь же, дорогой учитель, приносимъ тебѣ поклонъ земной, поклонъ любви, благодарности, почтенія и удивленія. Въ твоёмъ лицѣ, любимый, незабвенный профессоръ, мы кланяемся труду человѣческому, человѣческой мысли, величію человѣка. Ты явилъ намъ самое свѣтлое и лучшее въ человѣкѣ.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная студентомъ I курса Владиміромъ Потаповымъ въ вестибюлѣ, предъ выносомъ тѣла на кладбище.

Не такимъ, дорогой наставникъ, мы хотѣли бы видѣть тебя; не здѣсь—на мѣстѣ прощанія—мы надѣялись встрѣтиться съ тобой! И хотя ты вновь среди друзей, вновь среди любящихъ, всегда спѣшившихъ привѣтствовать тебя, но этотъ твой послѣдній приходъ не заставляеть—какъ прежде—радостно волноваться ихъ грудь. Они стоятъ вокругъ смертнаго твоего одра съ поникшею головою, съ скорбнымъ, полнымъ тоски и печали сердцемъ, съ горькимъ восклицаніемъ, замершимъ на устахъ: зачѣмъ ты удалился отъ насъ!

Тебя ли, незабвенный учитель, мы видимъ съ замкнутыми на вѣкъ устами? Давно ли неслись неудержимымъ потокомъ твои могучія рѣчи, полныя жизни и силы? Давно ли тяжелымъ молотомъ ложился твой острый блестящій анализъ на заблужденія и ошибки, скрывающія подъ своимъ туманнымъ покровомъ свѣтлую истину? Давно ли передъ нашимъ напряженнымъ взоромъ неслись одна за другой чудныя картины изъ жизни древней Церкви—одна другой рельефнѣе, одна другой прекраснѣе, одна другую дополняющія и поясняющія! Ты изображалъ предъ нами такія новыя, часто не-

подозрѣваемыя подробности изъ той славной эпохи прошлаго, ты проникалъ въ жизнь древнихъ христіанскихъ общинъ такъ глубоко, что ни одна деталь, казавшись, не ускользала отъ твоего все освѣщающаго ума. И когда твои обширныя познанія проливали на отдаленный отъ насъ періодъ созиданія и распространенія Христовой Церкви такія широкія, такія могучія волны яркаго свѣта, что ея прошлое становилось для насъ яснымъ и понятнымъ: мы невольно проникались глубокимъ уваженіемъ къ тебѣ—дивному художнику, котораго кисть, чего бы ни коснулась, на все налагала свою печать. Да, дѣйствительно, для этого нужно было обладать той необыкновенной эрудиціей, за которую глубокимъ уваженіемъ проникнуть къ тебѣ, преждевременно сошедшій въ могилу дорогой наставникъ, весь ученый міръ! Давно ли все это было, и вотъ тебя не стало съ нами!...

Ты всегда такъ умѣлъ увлечь въ часы своихъ лекцій, что мы не замѣчали, какъ оканчивалось назначенное время. Матеріалу, часто сухому, запутанному, ты придавалъ такую интересную, ясную форму, что онъ невольно приковывалъ и сосредоточивалъ на себѣ наше вниманіе. Но блеснувъ на горизонтѣ ученаго міра такими чудными огнями своихъ огромныхъ знаній, ты быстро — неознаградимо для науки — угасъ... И что теперь мы видимъ? Прежде ты спѣшилъ къ намъ, чтобы подѣлиться своими свѣдѣніями, а теперь и мы пришли къ тебѣ, а ты молчишь... Твое чело — холодно, твои глаза на вѣкъ покрылись мракомъ, и смерть навсегда сомкнула своей холодной безжалостной рукой твои многоговѣщавшія уста! Они никогда ничего болѣе не скажутъ міру въ защиту истины; они никогда болѣе не произнесутъ своего могучаго, теплаго, ласковаго слова, которое послѣдними слышали мы—младшіе по курсу ученики.

Какъ мало, дорогой учитель, ты былъ съ нами, но какъ много послѣ себя оставилъ въ нашей душѣ! Въ ней никогда не угаснетъ память о любимомъ наставникѣ. Любовь и уваженіе къ тебѣ будутъ горѣть яркимъ пламенемъ въ нашемъ сердцѣ; оно не останется,—нѣтъ, не останется равнодушнымъ при воспоминаніи о тебѣ; и твоя память всегда будетъ окружена въ нашихъ глазахъ свѣтлымъ ореоломъ.

Прими же, дорогой и незабвенный наставникъ, по-

слѣдній прощальный привѣтъ отъ своихъ послѣднихъ слушателей, пришедшихъ засвидѣтельствовать здѣсь— предъ твоимъ гробомъ—свою сердечную признательность и глубокое уваженіе въ послѣдній разъ.

РѢЧЬ,

сказанная проф. И. С. Пальмовымъ предъ разверстою
могилой почившаго профессора В. В. Болотова.

Дорогой, незабвенный, безцѣнный мой другъ,
незамѣнимый нашъ Василій Васильевичъ!

Тяжело мнѣ, бесѣдовавшему съ тобою въ послѣднія минуты твоей земной жизни, говорить теперь здѣсь, при разверстыхъ объятіяхъ этой могилы. Но мнѣ было бы еще тяжелѣе, если бы я не сказалъ тебѣ и здѣсь своего послѣдняго прости. Поэтому, прежде чѣмъ разверстыя объятія матери—сырой земли скроютъ отъ насъ навсегда бранные твои оставки, я имѣю внутреннюю, глубокую потребность сказать тебѣ свой послѣдній прощальный привѣтъ, и какъ прощальный даръ твоей любви и дружбы дерзаю привести на память себѣ и всѣмъ окружающимъ твою свѣжую могилу идеальные завѣты всей твоей жизни, цѣлаго твоего умонастроенія и возвышеннаго твоего нравственнаго міросозерцанія. Какіе же завѣты ты, дорогой мой другъ, незамѣнимый нашъ, всегда благожелательный, совѣтникъ, оставляешь намъ, провожающимъ тебя въ другой міръ и какъ бы въ трепетномъ ожиданіи отъ тебя слова назиданія окружающимъ эту свѣжую могилу—мѣсто твоего упокоенія?... Во всѣхъ рѣчахъ, какія слышались доселѣ при гробѣ твоёмъ, изливаясь изъ устъ и отъ полноты сердець твоихъ глубокопризнательныхъ почитателей, ярко отмѣчены тѣ славные пути жизни и научнаго, воистину подвижническаго, твоего труда, какими ты самъ шелъ и какіе—безъ сомнѣнія—возбуждали благородное соревнованіе и

въ твоихъ ученикахъ, друзьяхъ и почитателяхъ. Я лично вспоминаю здѣсь — прежде всего — завѣтъ внутренняго глубокаго сочетанія знанія и вѣры, завѣтъ свободнаго научнаго изслѣдованія въ области церковно-исторической науки при полномъ вниманіи и послушаніи общецерковному вселенскому преданію, завѣтъ неустаннаго до самопожертвованія труда ради торжества истины и добра, — я видѣлъ и примѣры беззавѣтной твоей любви и вѣры въ торжество истины и добра... Глубоко вѣруя въ торжество истинныхъ началъ христіанской жизни и знанія, почившій нашъ другъ и учитель горѣлъ всегда пламеннымъ желаніемъ видѣть и свое отечество, въ частности и любимую имъ Академію на идеальной высотѣ ихъ назначенія. Съ этою цѣлію, для приумноженія славы своего родного и близкаго, во имя высшихъ интересовъ христіанской культуры, онъ безкорыстно начиналъ обыкновенно работу съ самого себя, не щадя своихъ силъ, и творчески въ своей гениальной головѣ комбинировалъ иногда различные планы для болѣе успѣшнаго и свободнаго служенія главной цѣли своей жизни — служенія истинѣ. Вы, друзья, хотите знать эти планы: они взмъ известны, ибо неоднократно высказывались почившимъ нашимъ другомъ и устно — въ частныхъ бесѣдахъ и на лекціяхъ, и печатно — въ его капитальныхъ ученыхъ трудахъ и даже въ многочисленныхъ характерныхъ его примѣчаніяхъ къ изслѣдованіямъ другихъ ученыхъ, которые — кстати — онъ щедро сообщалъ всѣмъ, кто бы ни обращался къ нему за научною помощію, не требуя копейки и упоминанія о своемъ всегда многополезномъ сотрудничествѣ. Нашъ долгъ, друзья, ученики и почитатели незабвеннаго Василя Васильевича, блюсти свято его идеальные завѣты, слѣдовать имъ до самопожертвованія, не останавливаясь ни предъ какими лукавыми искушеніями плоти и духа, усыпляющими обычно нашъ духъ въ стремленіи ко всему прекрасному и возвышенному. Умеръ нашъ гигантъ мысли, знанія и возвышеннаго нравственнаго подвига. Но духъ его да пребываетъ

съ нами! Пропоемъ же вѣчную память почившему нашему другу и незабвенному учителю. А потомъ, разошедшись отсюда, будемъ свято чтить и помнить его идеальныя завѣты и служить имъ по мѣрѣ своихъ силъ въ созиданіе одного общаго ввѣреннаго намъ дѣла. И о семъ разумѣютъ, что мы его друзья, ученики и почитатели. Вѣчная ему память!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страл.
Высочайшее соболѣзнованіе.	1
Рѣчь , произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Анто- ніемъ , митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладож- скимъ, за Божественной литургіей въ академической церкви 11 апрѣля	3
Телеграммы , полученныя въ Академіи по случаю кон- чины В. В. Болотова	7
Памяти проф. Василія Васильевича Болотова . Проф. И. Жуковичъ	9
Перечень статей В. В. Болотова, помѣщенныхъ въ ака- демическихъ журналахъ	22
Послѣдніе дни и минуты жизни профессора Василія Ва- сильевича Болотова . И. Ц.	27
Погребеніе профессора Василія Васильевича Болотова . И. Ж.	31
Рѣчь при встрѣчѣ гроба съ останками профессора С.-Пе- тербургской Духовной Академіи В. В. Болотова , ска- занная въ актовомъ залѣ Академіи (6 апрѣля 1900 г.). Епископъ Борисъ	36
Рѣчь , произнесенная инспекторомъ Академіи, архимандритомъ Сергіемъ , передъ выносомъ тѣла почившаго В. В. Болотова изъ актов. зала въ академическій храмъ	39
Слово , сказанное за литургіей вмѣсто причастнаго стиха. Проф. Т. А. Налимовъ	41
Рѣчь , произнесенная надъ гробомъ предъ отпѣваніемъ проф. В. В. Болотова . Проф. свещ. Е. Аквилоновъ	47
Рѣчь , сказанная профессорскимъ стипендіатомъ А. В. Карташовымъ послѣ пѣніи Непорочныхъ	50
Рѣчь , сказанная студентомъ IV курса Василіемъ Успен- скимъ предъ пѣніемъ „Со святыми упокой“	52
Рѣчь , произнесенная надъ гробомъ послѣ пѣніи „Со святыми упокой“. Доцентъ свещ. М. И. Орловъ	56
Рѣчь , сказанная студентомъ II к. Алексѣемъ Лавровымъ предъ чтеніемъ Апостола	58
Рѣчь помощника инспектора тверской духовной семи- наріи М. В. Рубцова	61
Рѣчь смотрителя московскаго законопосаекаго духовнаго училища И. Е. Евсеѣва	63
Рѣчь , сказанная студентомъ II к. Анатоліемъ Судако- вымъ при прощаніи въ церкви	65
Рѣчь , сказанная студентомъ I курса Владиміромъ Потапо- вымъ , въ вестибюль предъ выносомъ тѣла на кладбище	67
Рѣчь , сказанная проф. И. С. Пальмовымъ предъ развер- стою могилой почившаго профессора В. В. Болотова	69